

ВАДИМ НЕСТЕРОВ

Эля

ВАДИМ НЕСТЕРОВ

Эля

Стихи и проза

Вспомню Бориса...
бу. Но так и не
от автора
В. Нестерова

«ЗОЛОТАЯ АЛЛЕЯ»
2002

ББК 84(2Рос = Рус)6
Н56

Книга издается попечением
Администрации города Бузулука
(Глава города *Рогожкин В.А.*),
Отдела культуры Администрации
(Зав. отделом *Шелудяков С.Г.*)

Нестеров В.П.

Н56 Эля: Стихи и проза. — Калуга: Золотая аллея,
2002. — 128 с.

ISBN 5-7111-0339-3

В книгу избранных произведений поэта и прозаика Вадима Нестерова вошли его лирические стихотворения, «Баллада о Пугачеве» и повесть о любви «Эля». Для широкого круга читателей.

ISBN 5-7111-0339-3

© Нестеров В.П., 2002
© «Золотая аллея»,
оформление, 2002

«СУДЬБА НЕ МНОЮ ВЫБИРАЛАСЬ...»

Вадима Нестерова я знаю около сорока лет. Познакомились мы с ним в литобъединении при газете «Под знаменем Ленина» в городе Бузулуке, куда я принес свои первые стихи, написанные в армии, а он к тому времени уже активно публиковался и считался неплохим лирическим поэтом. И впрямь, его ранние стихи подкупали чистотой и свежестью:

*Июнь веселый, звонкий,
По глади озерной
Шагнул к лесной девчонке,
Березке молодой.*

Но удивляло более всего то, что Вадим — инвалид с детства, лишенный возможности самостоятельно передвигаться, упорно и настойчиво самоопределялся в жизни, стараясь ни в чем, хотя бы духовно, не отстать от ровесников. Он много читал, занимался самообразованием, и обладал редким умением не замыкаться в своих бедах, выходя навстречу судьбе, как говорится, с открытым забралом:

*Судьба не мною выбиралась...
Влача березовый костыль,
Давно судьбу свою простил,
Но не прощаю ложь и жалость.*

Такие стихи, конечно же, мог написать человек, глубоко продумавший и прочувствовавший и собственную судьбу, и единственно правильное отношение к людям...

Вадим Нестеров пишет не только стихи. Активно сотрудничая в местной печати, он занимается прозой, краеведением и историей оренбургского казачества, работает над воспоминаниями о литературной жизни родного города, весьма интересной и не-

ординарной, пишет фенологические и природоохранные заметки, повесть о матери...

Особую страницу творчества Вадима Нестерова представляют стихи, посвященные памяти отца-фронтовика, погибшего на фронте. Это не «отписочные» стихи к датам, в них сквозит настоящая боль и горькая гордость за отца, знаменитого политрука, которого глубоко чтят земляки и оставшиеся ветераны страшной войны.

Главные литературные привязанности Вадима Нестерова — Сергей Есенин, Пушкин, Лермонтов, т.е. золотой фонд русской национальной поэзии. И это весьма характерно, что именно русская национальная традиция стала основой и опорой творчества бузулукского поэта, именно благодаря ей он обрел и лиризм души, и стойкий дух справедливости, правды и честного, духовного отношения к окружающему миру, бывающему порою жестоким и неблагодарным.

*Город тополиный и березовый,
Манишь огоньками, словно друг, —
Ты красив весною в дымке розовой,
Город мой любимый, Бузулук! —*

Вот так, просто и сердечно определяет поэт город своей жизни милыми и чистыми стихами, которые так и просятся в песню.

Мне хочется, чтобы поэзия Вадима Нестерова, интересная сама по себе, просматривалась бы читателем еще и через призму особого понимания того, что его поэзия — не забава провинциального интеллигента, это **поступок мужественного и талантливого человека**, который, наперекор судьбе, не сдался обстоятельствам, обретя в поэтическом творчестве смысл и цель жизни.

Думаю, земляки не оставят без внимания творчество своего поэта и его стихи уверенно войдут в поэтическую антологию Оренбуржья, как еще одно подтверждение духовного богатства края, родины Вадима Нестерова.

*Евгений Курдаков,
поэт, писатель, литературовед,
член Союза писателей России*

СТИХИ

БАЛЛАДА О ПУГАЧЕВЕ

Часть 1

Сказанье времени иного...
Иного времени строка...
Как будто ветром клонит травы,
Мне тихо шепчет старина:

— А помнишь ли, Урал-река,
Как здесь певало войско Пугачева
Про Емельяна-бунтаря?
Тянул башкир протяжно и уныло,
Мордвин с печалью и тоской,
А русский с удалью веселой,
А то и с горькою слезой...

Меж тем вокруг молва ходила,
Что некрещеный — без креста...
Он перед трапезой молился,
Сложивши пальцы в три перста,

Что самовольный самозванец,
присвоил имечко Петра,
Но жил привольно он, по-царски,
И пил, и ел из серебра!

Гуляла вольница в округе,
Белел шатер средь ковылей,
Но атаману тесно в круге
Средь песен, плясок и друзей!

Краснел кафтан его далеко,
Соболя шапка набекрень,
Глаза, как два орлиных ока,
Характер царственный — кремень!

Как птицы, вольны помыслы к свободе,
Как степь вольна, так волен человек,
Зажег костры бунтарские в народе,
Царем Петром нарек себя навек!

Туда, где был мечты исток,
Где голубел Урал волною,
Туман скрывал Яицкий городок
И защищал его собою.

Луна катилась шаром вниз
И освещала светом тучи,
Будила степь: «Проснись, проснись
Перед бурей неминучей!»

Часть 2

Глядели в ночь церквушек купола,
Крестов распятъя — вспугнутые крылья,
Как будто вся Россия подняла
Могучий гнев против цепей насилья.

Мятеж заговорил багряным языком,
Шрапнелью пушек, удаюю сечью,
И рвался в степь отпущенным конем
И пугачевскою горячей речью:

— Влачили, братья, вы нужду,
Вы ж для царицы все холопы!
Средь вас посеяла вражду
И крепостей своих оплоты.

Для вас острог, для вас петля,
Для вас цепей стальных оковы,
А где свобода, где земля?
Где православные законы?

* * *

В испуге Оренбург молчит,
Мечети полумесяц в небо впился,
Мулла в рассвет молитву шлет,
Чалмою белой с тучей слился.

Царица-матушка во гневе,
Ей так повелевает царский сан,
Шлет подневольников-солдатушек
На тот мятежный буйный стан.

А губернатор, стоя у окна,
Рукой неверной лоб крестя устало:
— Ну что за окаянная земля,
Чтоб ей в преисподней пусто стало,

Вот-вот петлей аркана захлестнут
За шею крепко басурмана?
Но где войска, чего там ждут?
Неужто плод ее обмана?

* * *

Идут солдатушки, печалются,
Под вилы да под топоры.
И, освещая тракты пыльные,
Горят помещичьи дворы.

И кралось войско в ночь волчицей,
Штыками оцетинив пасть,
А тучи, словно беркут, кружат,
Готовы на землю упасть.

Упасть и, истекая кровью,
Волчиной стаи слышать вой
Предсмертной судорожной болью,
И вот, казалось, кончим бой.

* * *

Гудела степь от цокота копыт,
Ковыль клонился, словно старец,
Здесь снова дух свободы кровью смыв —
Орел и тот на небе чужестранец.

Он видел с неба степь чужой,
Растерзанной и сумрачного цвета,
Большою ранюю земной
В часы предутреннего света.

Часть 3

К Царицыну мчит тройка удаля,
В кибитке в тяжелой думе Емельян;
Что ожидает: смерть его, лихая,
Или коварный враг его — обман?

* * *

А за Москвою за рекою,
Где у болот белы снега,
Палач сидел у камня черного,
Глядел на отблеск топора.

Лишь ветер чуть тревожа дали,
Играл, поземкою пыля,
И далеко, чуть приглушенные,
Трезвонили колокола...

А атаман прощался с Русью:
— Прощайте, милые друзья,
Вы, православны христиане,
Ты, мать — русская земля.

И поклонившись низко в пояс,
Он лег под жало топора.

И пусть истории начало
Кончалось смертью бунтарей!
Качались троны, как опоры
Самодержавия царей!

* * *

У крутояра тополь золотится,
Песчаный берег в дымке ковыля.
Осенним пламенем еще лесок клубится,
И угасает на закате дня...

Здесь две реки сливают воды —
Как двух друзей пожатые рук;
Степная вольница — Самара,
И брат Урала — Бузулук!

* * *

Я люблю золотистые всполохи
Этой тихой осенней поры,
Когда город мой птицы покинули,
Опустели, притихли дворы...

Тополя и березки веселые
В золотистой по пояс парче
Что-то шепчут стихами Есенина
Затаенное, нежное мне!

Так и хочется спеть под тальянку!
Только голоса что-то нет.
И глядит в мои окна бессонные
Золотисто-туманный рассвет!

* * *

*Посвящаю дорогому человеку,
жене Нине*

Прости, родная, за вторжение,
За нечаянно дерзкий привет.
Это просто порыв вдохновенья
И надежда на добрый ответ!

Эта песня бездомной птицы,
Залетевшей на огонек,
Пусть она отдохнет на странице
Перед далями синих дорог...

Пусть она тебе скажет словами
Тот пароль, обходящий судьбу.
Ты ее напевай вечерами,
Я услышу, откликнусь, приду!

А потом, если ночью захсчешь,
Напою остальные стихи.
Про твои темно-русые волосы
И про теплые руки твои!

Только будь, ради Бога, не строгой!
Жадно верю в твою красоту,
Верю я в наше тихое счастье
И в счастливую нашу звезду!..

* * *

В эти ночи стихом, словно беркутом,
В не ответный к обидам покой
Вдруг врывается яростный Лермонтов
И уводит меня за собой!
Презирает объятия пошлости
В безвременье седых облаков.
Снова скачут кавказские лошади,
Снова вздыблены главы хребтов.
И опять под чеченскими пулями
Бьется звонкий поручика крик,
Снова горы от грома ссутулены,
И гремит по камням Валерик!
О, Кавказ!
Под твоими громадами
Пусть его успокоится прах...
Пусть, как демон, без рая, без ада он
Вечно юный в бесстрашных сердцах!
Пусть он в души врывается яростно,
Пусть влечет он всегда за собой
Вечно жаждущим, страждущим парусом
В дымке вечности голубой!

* * *

Я люблю золотые и синие
Дни притихшей осенней поры,
Когда город мой птицы покинули,
До весны опустели дворы.
Тополя и березки осенние
Чуть шумят в облетающем сне,
Словно шепчут стихами Есенина
Что-то тайное, нежное мне.

* * *

Посвящаю селу Державино

Недалеко от Бузулука,
В тени божественных берез
Стоит село и внемлет звукам
Июньских первых гулких гроз!..

Все, как и прежде, здесь бывало,
Церквушка, стоя вдали,
Тепло и радость сохраняя,
Стоит вся в сполохах зари!

И старый пруд, и по-девичьи
Склонились ивы над водой...
Не ты ль воспета, вся Россия,
Живой державинской строкой!

ОБЕЛИСК

*Светлой памяти моего отца,
политрука П. Нестерова, посвящаю*

Как жизнь, дорога вьется по земле,
Как память, цепки травы у обочин,
Напоминают эти травы мне,
Что создан мир надолго и накрепко.

И шар земной вращается, живет,
И тучи грозные, бывает, вьются низко.

Холодный мрамор болью сердце жжет, —
Простой и серый камень обелиска.

Здесь спит отец в шинели боевой,
Переkreщенный жесткой портупеей...
И я как будто вижу огневой
Последний бой отцовской батареи.

Там Дон шумит краснеющей волной,
Там, в переправу, будто зори влили
Кровавый свет багряно-грозовой, —
Когда отцы в бессмертье уходили...

А шар земной вращается, живет,
Цвет яблонь и черемух вьется низко...
Холодный мрамор болью сердце жжет,
Бессмертный, тяжкий камень обелиска.

* * *

Как жизнь, дорога вьется по земле,
И эти травы у обочин
Напоминают часто мне,
Что создан мир надолго и напрочно!
А шар земной вращается, живет,
И тучи грозовые низко вьются.
Холодный мрамор болью сердце жжет,
Простой и серый мрамор обелиска...

Здесь спит отец в шинели боевой,
Переkreщенный жесткой портупеей,
И я как будто вижу бой!
Последний бой последней батареи!
А Дон шумел кровавою волной,
Как будто зори волны кровью окропили,
Когда отцы в бессмертье наши плыли.

А шар земной вращается, живет,
И цвет черемух вьется низко-низко.
Холодный мрамор болью сердце жжет,
Простой и серый мрамор обелиска!

* * *

Ах, елочки, мои ровесницы,
Вам зеленеть да зеленеть.
А мне в годах своих несчитанных
Пора давно бы поседеть.
Уж отлюбить бы и состариться,
Морщинки, как лучи, храня,
И я прошу свою любимую:
— Люби меня, люби меня!
Ведь знаю я, милая, любимая,
Быть может, вечно надо ждать,
Чтоб с губ твоих багрово-ягодных
С росой поцелуй сорвать,
Чтоб с сединою серебристой
Не спутать русость твоих кос,
Смахнуть с ресниц твоих слезиночку,
Как с трав зеленых капли рос.
Ах, елочки, мои ровесницы,
Глядитесь в зеркало пруда,
Роняя колкие иголочки,
Зовете все: куда, куда?

* * *

Зима! К концу февраль катится
Лучом по горке ледяной,
А снег искрится и кружится
Алмазной, радужной каймой.
И ты в шубейке, в рукавичках,
Идешь с ведерком за водой,
А снег кружится невесомо,
Не белый — словно голубой!
Нет, то снег-снега кружатся
Над домом, как лебяжий пух...
А вдруг братишку прямо с горки
На крыльях белых унесут.
«Ну, не пугайся же, чудачка,
От страха ты не леденей,
То туч веселых вереница,
Как в сказке лебедей-гусей.
Идем, любимая, за выюгой,

Недолго ей у нас гулять,
Недолго за калиткой виться,
Следы порошей замечать...»

АВГУСТ

Вот и август с вечерней прохладой
В перелеске притих, голубой,
В небе месяц, как серпик заточенный,
Вновь блестит, как пшеничной стерней.

Как люблю я деревню порой полуночной,
У калитки гармошки лихой перебор,
И, словно и рощи зеленой, заслышав,
Залился соловушек слаженный хор!

Деревня глядится в полночь молодежи,
Наличник окна как платок расписной,
А за околицей песня с грустинкой:
«Где ты, ненаглядный? Где, ласковый мой?»

...

Мой край родной, ромашковая нежность,
Как по созвездью, по лугу иду.
Дотронусь я рукой и на ладони
Увижу я веселую звезду.

Семь лепестков, а сердце мне согреет,
Как лучики в искрящейся росе.
Увижу луг и небо голубое,
И дом свой деревянный вдалеке...

ОСЕНЬ

Вот она осень, крадется лисицей,
С грустью взглянув в затуманенный лес.
Вот, как березку, все модно окрасила

Все под багрянец, под рыжесть окрест.
Только лишь пашня чернеет от ночи,
Только платочком синее залив,
И журавли поднимаются в небо
С криком печальным с насиженных мест.
Что-то печальное грезится осенью,
Жаль улетающих птиц.
Вижу на просеке в гроздьях рябины
Я белощеких веселых синиц.

БАЛЛАДА О ПЛАЧУЩЕЙ ЖЕНЩИНЕ

Нас всех еще мечта сжигала
Подняться до любви страстей,
Чтобы она нас оправдала
Перед ничтожностью своей.

Тогда бесцельные мечтанья
Средь надоевшей маеты
Наполнят смыслом созиданья
И будут смыслом красоты.

Когда забота станет счастьем,
А быт поэзией огня,
Тогда вся жизнь вдруг в одночасье
Вся зацветет цветами дня.

Но дни проходят однобоко,
Без вдохновенья и мечты,
И ты становишься жестокой,
И вянут летние цветы.

Тоска любви сжигает душу,
И плесень в сердце завелась.
О, если б выплеснуть наружу
Всю эту горечь, боль и грязь!

И, как осенние набаты,
Причины ищешь у других,

Что в этом долге виноваты
Твои друзья, и судишь их.

Ты удивительна бываешь:
То равнодушно холодна,
Когда друзей позабываешь,
То вдруг душевна и нежна.

Ты хороша, когда тревога
Тебя неожиданно обожжет,
Тогда внимательно и строго
В твоих глазах огонь живет.

Но маеты твоей сердечной
Я здесь не в силах утолить.
Любовь проходит быстротечно,
Но жизнь идет и надо жить!

Любовь, ненависть — эти чувства
Переплелись в судьбе людской,
Здесь ад, когда на сердце пусто,
И рай, когда любовь с тобой.

Любовь — возвышенная муза,
Что вяжет кружево луна,
А может, это сказки мужа
И есть лишь чувственность одна?

Красивый вымысел для брака,
Чтоб сгладить грубость бытия,
А жизнь семьи, как зерна мака,
Снаружи — цвет, а в сердце — яд.
И нет пути уже обратно,
И нет пути уже назад.

Все иллюзорно и красиво,
Как райский уголок страны,
Любовь, мечты, надежды — диво,
Как блеск обманчивой луны.

Вот заиграло поднебесье
Тревожной пляскою огня,
И оросили редколесье
Скворцы, слезами зеленыя.

Но это счастья позывные,
Лишь отголоски красоты.
О, где вы, радости земные,
О, где вы, девичьи мечты?

Но сердце просит песен лунных
О чистоте и власти мук,
Чтобы затронуть сердца струны,
Перевернуть всю жизнь вокруг.

Я знаю, сердце не стареет,
Любовь — весны пьянящий сок,
Мужчина без любви черствеет,
А дева вянет, как цветок.

Но если женщина скушает,
Она готова для любви,
Что дети, муж, — когда разыграет
Огонь желаннейший в крови!

Любовь для женщины — свобода
От всех житейских передраг,
Иначе черная работа
Всю красоту сожмет в кулак.

Любовь — не секс, она забота,
Покой и песня красоты.
Любовь — открытые ворота
Для жизни, мира красоты!

Но что ж, поплачь, ведь наши слезы
Для нервов лучший элексир,
Так на земле шальные грозы
Сменяют ливни в меру сил.

Плачь, женщина! Твое терпенье —
Удел, завещанный векам.
Быть может, счастье есть стремленье
К любви, надеждам и мечтам.

И сила есть, и есть желанье,
Но все проходит стороной:
Почти любовь, почти сиянье,
Но все не то, все за чертой.

Тоска, пустынно, одиноко,
Холодный камень на груди,
Стучит в висках туман, морока,
А что же будет впереди?

* * *

Я люблю поэзию такую,
Где нет слова тяжкого — вражда, —
Я ее приветствую, земную,
Где живет над миром тишина,
Где тропинка каждая знакома
И ромашка каждая близка.
Где нет в жизни фальши и обмана,
Где любовь, как стеклышко, чиста!
Пусть не даст у бездны оступиться
И не даст строке сойти с листа,
Уведет в неведомые дали,
Позовет в знакомые места...
Там изба на солнечном пригорке
Под зонтом — пушистою сосной,
Голос чей-то тихий и знакомый
Поздоровается радостно со мной!
Где, нагнувшись, я могу напиться
Струйкою студеной родника,
Там могу строкою насладиться,
Книгу на колени положа.
Я хочу ей низко поклониться,
Тихо к сердцу руку положа!..

* * *

Я пил парное молоко,
Чуть пенящееся, прямо с кринки...
Я вижу серые глаза,
Подойник, белую косынку.
Глаза те, полные любви,
Чуть робко на меня смотрели.
Мне счастье взглядом подари,
Остановись на миг у двери!
Повороши мои мечты,
И ты услышишь песню лета,
Под переливчатый баян
С тобою вместе будет спета!
Я пил парное молоко,
Вдыхал лугов прохлады мяту,
А ты звала меня к себе,
Не в дом, а в простенькую хату...

ПИСЬМА ИЗ СОРОК ТРЕТЬЕГО

Треугольные письма помятые
Уже выучены наизусть.
Пожелтела давно фотография,
И тоску заменила грусть.
Письма те сорок третьего года —
Строки наспех и буквы вразброс,
Ни шифровки не надо, ни кода,
Смысл понятен, доходчив и прост:
«Дорогие, с рассветом уходим,
Впереди у нас марш-бросок.
Вот оружие в порядок приводим,
Топчем жесткий окопный песок.
И пока поливает окопы
Минометный свинцовый град,
Может, там за пургой и Европа,
Но пока впереди Сталинград.
Не волнуйтесь о нас, не тоскуйте,
До победы не так далеко,
Лучше песню тихонько пропойте,
Чтоб в окопах нам было легко».

Шел политрук с солдатом рядом,
Обоим часть нужна одна.
И степь, что не охватишь взглядом,
И на двоих одна война!
Шли, догоняя полк усталый,
За полдень — солнце и жара.
Был политрук солдат бывалый,
А парень в полк пришел вчера.
И политрук, седой, усталый,
Припомнил тот далекий год, —
Кавалерийскую бригаду
И свой безусый дружный взвод.
Лихие были все ребята:
Бывало, шашки наголо!
В степях украинских громили
Обезумевшего Махно.
И снова степь, и снова пушки,
Другой войны глухой набат!
Там, в редколесье, на опушке
В машинах крытых медсанбат.
И политрук вздохнул украдкой,
Глотнув табачный горький дым:
— Ты слышишь, хлопчик,
Канонадой степь салютует молодым!
Ты только знай приказ единый:
Душой и сердцем насмерть стой!
Последний бой здесь завтра примут
И политрук, и рядовой...

МОЙ ГОРОД ПУШКИН ПОСЕТИЛ

Здесь степь и жизнь — все воедино,
Сплелись в печали, словно крест.
Здесь проезжал наш добрый Пушкин,
Оглядывая все окрест...

Из-под колес ковыль клубился,
Бежал навстречу, словно бес,
Ямщик лишь набожно крестился,
На облучок скрипящий лез.

Деревни, маковки церквушек,
Да колокольный звон вокруг,
И тихий всплеск диких речушек,
Колес веселый перестук.

— Скажи, ямщик, мой добрый друг,
А что за странное строенье
Привиделось в тумане вдруг?
— Отвечу, барин, Вам охотно —
Степная крепость Бузулук!

Бывали здесь у нас проказы,
Набеги диких степняков,
Что под боярские хоромы
Пускали «красных петухов»,

И, чтоб им руки, окаянным,
Веревкой крепкой оплести,
Царица-матушка велела
Вот эту крепость возвести.

Вот здесь мы, барин, сменим тройку,
Чайку попьем, передохнем,
А в ночь, глядишь, и тронем дальше,
На Оренбург с тобой махнем.

Ушли в века названья улиц:
Нет ни Стрелецкой, ни Ямской,
Не ни Линейной, ни Почтовой,
И нет давно уж Столбовой...

И как сейчас на небе месяц
Спокойно тучи осветил,
Я благодарен веку счастьем —
Мой город Пушкин посетил!

* * *

Майских роц веселая окраска,
Легка бесконечная дорог,

Среди поля пробитая каска,
Россыпь гильз, позабытый окоп.
Позабыт тот окоп? Едва ли!
Память хлесткою пулей бьет!..
Здесь солдаты стояли когда-то,
Может, рота, а может, взвод.
Перепелочка, малая птаха,
Только-только лишь солнце встает,
Кружит, вьется, щебечет без страха,
В каске той уже гнездышко вьет.
Помню, притчу старик рассказывал:
— В тот далекий военный год,
Если птица гнездо вьет в шлеме,
Значит, кончен с войною счет!..
Дай-то Бог, чтоб, старик, твоя птица
Обрела два упругих крыла
И летела в сердца добрым кличем,
Добрым отзвуком Правды была!

* * *

Июнь идет, июнь идет!
Спать садоводам не дает.
Плодами яблони гнетет.
Эй, ставь подпорки!
Клубятся зеленью леса
И облаками небеса,
Повсюду слышны голоса,
Скороговорки!
А над рекой ночной порой
Гармони наигрыш лихой
И женский голос молодой
Грустит, страдает.
Гармонь, молчи, не говори,
Осталось мало до зари,
Пусть отдыхают косари,
Пусть отдыхают!
Июнь идет, июнь идет,
Дождями радостными льет,
Уже пшеница в рост встает,
Волной вскипает.

* * *

Июнь веселый, звонкий
По глади озерной
Шагнул к лесной девчонке,
К березке озерной.
Росой блестит рубашка
Из шелка облаков.
Принес букет ромашек
И положил у ног.
Застенчивый и свежий,
Шептал ей ветерком
О чем-то очень нежном,
О чем-то о своем...

ГОРОДУ БУЗУЛУКУ

Город тополиный и березовый,
Манишь огоньками, верный друг,
Ты красив весною в дымке розовой,
Город мой любимый, Бузулук!
Орден иностранный носишь с гордостью,
В космос провожаешь земляка.
Утро ты начнешь с рабочей бодростью
Под напев гудящего станка.
Бор стоит зеленою жемчужиной,
Слышен сосен величавый сказ,
Окружен холмами ты красивыми,
В песнях и стихах воспет уже не раз.
Город тополиный и березовый,
Манишь огоньками, добрый друг,
Ты красив весною в дымке розовой,
Город мой, любимый Бузулук!

* * *

Так повелось из века в век:
Калек встречая у дороги,
Крестились жалостно: «Убогий,
Господь с ним, Божий человек...»
Судьба не мною выбиралась,

Влача березовый костыль,
Давно судьбу свою простил,
Но не прощаю ложь и жалость.
Хочу я чувствовать себя
В семье людей таким же равным,
И я владею этим правом —
Перебороть тебя, судьба!
И я иду по дням суровым,
И много недоступно мне,
Но, обреченный к тишине,
Хочу воздать пером и словом!
Чтоб каждый встречный там и тут
Не сожаленья горьким ядом,
А теплым дружественным взглядом
Благодарил меня за труд!

МОЕ СЧАСТЬЕ!

Закурить, надвинуть шапку глубже,
Перед дверью молча постоять,
А потом шагать,
шагать вдоль улиц вьюжных
И шаги, не думая, считать...
И в тиши запорошенной будки,
Сердце в ожиданье глухо сжав,
В эбонит холодной черной трубки
Выдохнуть счастливо:
— Приезжай!

И уже спокойно знать, что где-то
В тишине промерзших спящих сел,
В гулком перестуке километров
Мчит она к тебе, отбросив все!
Мчит к тебе разбуженное счастье,
Мчит навстречу взвихренным ветрам,
Чтоб стоять под снегом шелестящим,
Мягко ниспадающим к ногам...

МОЛИТВА

Господи, помилуй и благослови!
Помоги мне, Господи, тяжкий крест нести.
Тяжело с клюкой, ног не приподнять,
Ты не дай мне, Господи, на землю упасть!
Освети мне, Господи, тяжкий путь свечой,
Я пойду безропотно, тихо за тобой.
Пусть истлеет рубище и сгорит свеча,
Есть тобою данная у меня жена,
Для меня — опора, для тебя — раба,
Богом нареченная, робка и светла,
Ангел мой хранитель для меня она!
Я вернусь в обитель, встану у окна,
И прошу я, Господи, не покинь меня!
Пусть горит нетленная перед тобой свеча!..

* * *

Земляк Муса, а степь сегодня шире.
Ромашек, что любил ты, нынче тьма,
В лесах, в лугах, во всем огромном мире
Таких до боли белых, как снега.
На синем небе стайкой, невесомо,
Парят над речкой тихо облака.
Так было в сорок первом: с полуслова
Вдруг о любви оборвалась строка...
Обрушилось все вдруг и закружило,
Слезой, бедой ли затуманив взор.
Военный лагерь! Память разбудила
Слова, как миг: «Ведь этот плен — позор!»
В далекой той воинственной Германии,
В тюремных казематах Моабит
Стоят приговоренные в молчании,
Бетонный плац еще снежком покрыт.
Ведь даже там, за проводом колючим,
Где люди-тени призраками шли,
Ты поднимал их верою и силой!
Горячей кровью вписанной строки!
Но рано смерть витала над Мусою,
Блеснув холодным блеском топора...

Повеяло вдруг нежностью, весною,
Пришла ее прекрасная пора.
Земляк Муса, а степь сегодня шире,
Дождем омыта здесь встает трава,
К нам долетела песней жаворонка
Твоя, из сердца вырвавшись, строка!

* * *

Зачем вы вторите слова,
Жаргон какого-то подонка.
Как пулю вслед, как камень в смех,
Так пошло, мерзко: «Разведенка!»
А вы взглянули ей в лицо,
Где болью каждая морщинка!
Вчера сняла с руки кольцо:
Есть, маме — плащ, мальцу — машинка.
Заводит маленький малыш
Ключом игрушечную «Волгу».
А вечер черен и тягуч,
По звездам катится он долго.
Как жаль, не судим подлецов.
Наш приговор лишь жалкий ропот,
А их бы к стенке, подлецов!
Под град камней, под свист и топот,
Стегать наотмашь, подлецов!
Наотмашь взглядами презренья.
Иначе жить в позоре нам, слепцам,
До полного прозренья!
По-бабьи грустные глаза,
По-девичьи упруги груди,
Зачем вы судите ее,
В любовь не верующие люди,
Зачем вы вторите слова,
Жаргон какого-то подонка.
Ведь у нее в руках судьба
Цветка земли — ее ребенка!
И если жизнь иначе повернуть,
Соединить сердца лишь нитью тонкой,
Тогда ни у кого не хватит сил
Вслед прошипеть ей: «Разведенка».

Я ухожу из юности и детства,
Сквозь мокрую листву и тополя,
А поутру от легкого морозца
В виски вплетется нитью седина.
Да, мама, ты ушла из жизни рано,
Не долюбив, не досмотрев цветущий май,
И, поклонившись над могильным холмиком,
Шепну тебе последнее: «Прощай!»
А вот сейчас уж за окошком осень,
Сквозь солнце светят снега пяточки,
И ставни бьются в окна, словно крылья бабочек,
Или свистят, как одуревшие бессонницей сверчки.

Будто жемчуг, росы листья расписали,
Будто мне нарочно на плечи бросали,
Радужно искрятся на березах косы,
Нет с них, с белоствольных,
Никакого спроса.
Почему же плачут по весне березы?
Почему же прячут так стыдливо слезы?
Почему фата у них нежная, шелковая,
Почему слеза у них сладкая, веселая?
Почему рябинушки шепчут им с пригорка,
Ветками качая: «Горько, горько, горько!»

Мой дед по делу тосковал.
Пилил, строгал, и вкусно пахло стружкой,
А я его волшебником считал,
За то, что мастерил он мне игрушки.
Простой сучок он превращал в осла,
Другой — в погонщика с чалмою на голове
И с непомерно пышными усами,
А иногда, поколдовав за дверью,
Дарил мне жаркого коня
С уздечкою наборной настоящей

И с гривой цвета яркого огня.
И пусть тот конь пропах сосной и лесом,
И пусть с галопа из ручья не пил,
Он уносил меня из детства,
В иную жизнь навеки уносил.

Мама! Мама!
Руки твои святые,
Сердце твое — божество!
Недаром с кисти Рафаэля
Мадонной к нам сошло оно!
Сошло святое имя — мама,
И осветило небеса.
И над Мамаевым курганом
Свой меч возмездья подняла.
Потом, подняв с земли младенца,
Рукою, что держала меч,
Согрела вновь его у сердца,
Печаль страдания сбросив с плеч.
И ты пошла, многострадальная,
По пеклу, как по небесам,
И тихо ты, по-русски, кланялась
Сгоревшим дочерна лесам.
И, что ни шаг, то пепелище,
И, что ни шаг, то боль с бедой.
А что же ела ты, бедняжка?
— Водицу, милый, с лебедой.
А чем, скажи, тогда ты выжила
В годину черную, как ночь?
И меч, сверкавший, словно молния,
Тогда не сбросила ты с плеч.
— Тобой жила, тебя лелеяла,
Растила, словно колосок,
И слушала я в ночь студеную
Твой тихий-тихий голосок.

Что вы, девочки милые,
Тут шути, не шути,

Вы приснились без имени
И ушли без любви...

Без подружки-соперницы
И без ревностных мук
Вы дорожку уступите,
Не заломите рук.

Не займетесь вы голосом,
Как там было в Руси,
И с распушенной косонькой
В сердце льдинку носи.

И живи, неприступная,
До весны, до поры,
И не льдиночку, искорку
Мне взамен подари.

Вам бы в ночь безутешно
Крикнуть: «Голубь ты мой»,
А не топать неспешно
В огорченье домой.

Что вы, девочки милые,
Разве ж это любовь?
Берегите горячую,
В венах бьющую кровь.

Берегите не гулкие
В ночь ушедших шаги.
Сердце вдруг мне сказало:
— Ты любовь береги!

...

Хлеб и соль у меня на столе,
Испечен он руками добрыми,
И дарован, как счастье, мне,
И нарезан он крупными долями.
Оттого у меня к нему
Уважение всегда особое!
По-крестьянски щепотью солю

И на вкус его смачно пробую,
Помню, дед его тихо ел,
В родниковой воде размачивая,
Говорил: «Он всему голова!»
Тихо, бережно в холст заворачивал.
Хлеб и соль у меня на столе,
Заходи, друг, погреться от стужи.
Хлеб дающая щедро рука
Никогда не поднимет оружие.

Снится девчонке сон:
Будто она влюблена,
Будто черемух свет
Падает у окна.

Будто не ветер,
А он гладит ее волоса.
Снится девчонке сон,
Доносит сюда голоса.

Платье ее под венец
На стуле висит давно.
Грусти девичьей конец,
Такси уж сигналил в окно.

С любовью твоя коса
Сестренкой заплетена,
А в маминых добрых глазах
Застыла росинкой слеза.

Подружек веселый смех
Сыплется, как горох,
И он, что счастливей всех,
Ступил за ее порог!

Снится девчонке сон:
Будто она влюблена,
Робкий, пока во сне,
Он у ее окна.

* * *

Весна — девчонка шаловливая.
Глаза в полнеба, ох и синь!
А с крыш, как из ладошек, капает
Капель трезвончато — динь, динь...
А ручеек бежит, торопится
За поворот, за поворот.
А облако в нем, будто яблоко,
Неторопливое плывет.
Искринкой солнечною колется,
Как робкий смех.
Зовет меня так томно, ласково,
И ждет как будто у ворот...
Весна — девчонка шаловливая.
Глаза в полнеба, ох и синь!
Ну, на пока из снега белого
Платочек на плечи накинь,
Накинь, накинь, моя невестушка,
Ведь он белее, чем фата.
А ты, наверное, счастливая,
Я ждал тебя. Я ждал тебя...

* * *

Пишу стихи от сердца снова,
Пишу в бессонный час пером...
Пишу с рассветом вдохновенным,
Смотрю на тучи в небе голубом.

Пишу восходящим я утренним лучиком,
Пишу белоствольною тенью берез!
Пишу на волне разнотравий весенних,
Сверкающей искрами радужных рос...

* * *

Сегодня дождик моросит назойливо и скучно.
Сегодня он в окно стучит, как дробью, — звонко, кучно.
Как будто сердце обожгут упругие те струны,
Как будто песню оборвут на полуноте струны...
Вот так и в жизни — мы друзей однажды потеряем,

Как в полустанке поезда, в снегу мы застреваем,
И рвемся мы, но силы нет, стоим изнемогая,
А от друзей лишь только след...
Порой мы замечаем,
И посвист ветра невзначай нам прошумит невнятно:
Прощай... Прощай... Прощай... А дальше непонятно.
И если друг ты, то ко мне когда-нибудь вернешься,
А если нет, то хоть на миг иль на мгновенье обернешься.

* * *

Мустафино далекое!
Твой Оренбургский край —
Речушка неширокая,
Степи родная даль.
Ручьями солнце смело,
Звения, в реке играй...

На скворушкиной флейте
Последний раз сыграй.
Играй без слез о гибели,
Игры не прерывай.

Идешь на эшафот ты
За наш любимый край!
Как перед смертью грезится
Степей родных краса...
И на тетради наискось:
— Прощайте, ваш Муса!

ВОСПОМИНАНИЕ

Нине

Помнишь, Нина, рдели ярко
Огоньки телеантенн,
Мы бродили мимо парков
Вдоль акациевых стен.

Вдоль домов, глядевших сонно,
Вдоль задумчивых садов.

И обычное знакомство
Походило на любовь!

Извини, конечно, Нина,
Не могу забыть с тех пор
В переулке нашем тихом
Наш с тобою разговор.

Огоньки вдали мелькали,
Вили звездную пургу.
Я могу играть словами,
Только сердцем не могу!

* * *

Опять сквозь холод, мрак и грязь
Я еду к ней, такая тряска,
Стучит, скрипит моя коляска,
По темным улицам катясь.

И пусть, я знаю, опоздаю!
Меня другой опередит.
Она давно уж с ним сидит,
Скучая, мучаясь, страдая.

Он снисходительно молчит...
Вид снисходительный и строгий,
Здоров, как бык, и целы ноги,
Уверен, властен и сердит.

Пусть я кого-то рассмешу,
Как все влюбленные, робея.
Парализованный Ромео!
К Джульетте собственной спешу,
Кусты неслышно раздвигая,
Дарю ей алый георгин,
И, не прощаясь, уезжаю.

И будут звезды, будет ночь,
Взойдет рассвет, на сон похожий,

Который никогда не сможет
Ни успокоить, ни помочь.

БАБУШКИНЫ БЛИНЫ

Дед подшивает валенки
И трубочкой дымит.
И кот на подоконнике,
В клубок свернувшись, спит.
А на столе, на скатерти, в тарелочке блины
Бабулины, румяные, снятые со сковороды.
Ой, как они вкусны!
А на губах мальчишечьих сметанные усы!
А дед смеется звонко:
— Смотри, едрена-клешь,
Ты на Семен Михалыча
Буденного похож!

ДЕДУШКЕ ФЕДОРУ

У пахаря поэзия своя,
Строкой ложится
Борозда под плугом.
Ложится борозда за бороздой,
А пахарь с силой жмет на ручки плуга.
Конь приустал, мотает головой,
Но силы есть и бодрость тоже,
Он тащит плуг и думает одно:
«Хозяина мне подводить негоже».
Махнет хвостом, отгонит мух,
И дрожь пройдет по карей коже.
Чуть свет, а жаворонок в небе
Разбудит солнышко крылом.
Из-за холма поднимется тихонько,
И засверкает все кругом —
Трава росой, а небо синью,
А речка голубой волной!
Минули годы, десятилетия,
Все это было так давно.

Ты заронил мне в сердце Рифмы!
И благодарен я за то!

КАТЮШЕ Е.

Июль в сиреневую синь
Окрасил речку спозаранку,
И рдеет ягода в траве,
Как будто кто-то тронул ранку.

Камыш шумит от ветерка,
Дым от костра под утро сладок.
Ступаешь по траве распятой тихо!
В ладошках ярко рдеет вся
От теплоты твоей клубника!

Когда я остаюсь совсем один,
А все происходящее уходит,
Я сумрачно глотаю никотин
С надеждою, что, может, успокоит.
Но нет, судьба насмешлива и зла.
Как мания, всплывают обреченно
Огромные летящие глаза
Сквозь дождь, такой штрихующе не четкий.
Мне внутренне кричали: «Подожди!
Ведь это не она разлуки просит,
Ведь это просто холод и дожди,
Дожди и холод, а быть может, осень?!»
А я все уходил и уходил
Сквозь дождь, шурша намокшею листвою,
И сумрачно глотаю никотин
С надеждою, что, может, успокоит.

БАБУШКЕ АННЕ

О, Боже мой, какая прелесть!
Зима в деревне, дым из труб,

Шагнешь в избу, а за порогом,
Из печки пряный хлебный дух.

И стол стоит здесь деревянный.
Нет полировки, блеска нет.
Стоит на ножках твердо, крепко!
Как богатырь, уж сотню лет.

В окладе медном три иконы
И богородская трава.
Трещат в печи сухие звонко,
Огнем охвачены дрова.

Жужжала прялка тихо-тихо,
Шерсть в нити тонкие плела.
В лицо светила добрым светом
Из-под морщинок старина!

ЭЛЯ

Повесть

Глава 1. ЭЛЯ

Эля была голенастой, нескладной девчонкой, тихой, застенчивой, как, впрочем, и все дети послевоенной поры. Она была поздним ребенком в семье.

Отец называл ее нежно и ласково «воробышек», вместо общепринятого в деревне «поскребыш»... Умер отец и унес с собой любовь к одиннадцатилетней щебетунье... А назвал он ее в честь медсестры Элеоноры, которая ухаживала за ним в госпитале после операции.

Вернулся он в деревню без обеих ног. Сделали ему деревенские умельцы коляску на четырех колесиках-подшипниках да колодки, чтобы отталкивался и ездил по селу, привязав культи обрывками солдатского ремня. Курил с мужиками крепкий самосад, говорил о житье-бытье, пряча наполненные болью глаза, но больше молчал, знал, что за глаза его называли либо «самоваром» или еще хуже — «обрубком», а злые бабенки «пеньком с глазами». Но была у него единственная отрада в жизни, дочурка, которая как-то сглаживала и без того трудную жизнь. Бывало, толкнет его за плечи Эля по пыльной деревенской улице аж до самой мастерской, где он мыл детали в солярке для тракторов и комбайнов в большом железном корыте. Делал это Прокофьич бесплатно, лишь бы убить время. Пока он работал, Эля играла в пыльных лопухах за мастерской с куклами, сшитыми бабушкой из тряпок, до самого вечера... Лишь в обед отец звал ее покушать. Ели яички вкрутую с хлебом, запивали молоком, он гладил ее по головке и говорил: «Шла бы ты, доченька, домой, отдохнула!» А она, улыбаясь, отвечала: «Я

тут побуду, ладно?» «Ну смотри, тебе виднее, тогда иди, играй».

В один из дней в мастерскую вошел председатель колхоза, поздоровался со всеми за руку и, подойдя к Прокофьюичу, присел на корточки, протянул руку:

— Я к тебе, Николай Прокофьюич, по делу.

— И чего я тебе понадобился, — спросил он, не скрывая тревоги, — или чего не так сделал?

— А вот чего, хватит работать бесплатно, получай деньги.

И председатель положил сверток ему на культю:

— Распишись вот здесь, так, вот и все.

Прокофьюич расписался, не взглянув на сумму, он даже не заметил, как из мастерской ушел председатель.

— Мужики, а мужики, сколько же мне денег-то отвалили.

— А сколько заработал, столько и отвалили, — сказал Миша, молодой чумазый слесарь, сверкая белыми зубами.

Прокофьюич не стал разворачивать сверток, а бережно положил в сумку. Вечером, возвратившись с работы домой, долго мылся в тазу с мылом и причесывался, глядя в осколок старого зеркала. Закурил и позвал Элю:

— Дочка, давай посмотрим, что тут нам дали?! — Он развернул сверток и замер, там лежали пачки денег. Там было пятьдесят семь тысяч. Он вытер вспотевший лоб, не веря глазам.

— Да тут целое богатство! Вот это, дочка, нам с тобой подфартило, — он тихо перебирал пачки денег и, подняв глаза, увидел, как к дому не спеша шла Катя. — А вот и мамка наша идет, ты ей ничего не говори пока.

Эля побежала навстречу матери, та подхватила ее на руки:

— Что-то вы сегодня у меня веселые да чистые, — улыбнулась Катерина, присев рядом с мужем, а Эля сопит и по-малкивает.

— Тут у нас, Катюша, радость, знаешь, какая?!

— Какая? — спросила она робко. — Да что случилось?

Он протянул ей сверток. Развернув его, она замерла на миг и, прижав руки к груди, тихо ойкнула:

— Ой, батюшки! Откуда такие деньги?

— А я и сам не знаю, — удивленно развел руками Николай, — пришел нынче сам председатель в мастерскую и

подает мне этот самый сверток, так, мол, и так, это тебе, Прокофьич, за работу, хватит бесплатно работать!.. И ушел! А я что, взял, не пойму, что за чертовщина!

Катя поцеловала дочь и мужа:

— Работники вы мои золотые.

И взяла сверток, ушла в дом. Войдя в дом, села за стол, пересчитала деньги, наскоро умылась и, взяв сумку, пошла в сельмаг. В сельмаге никого не было, кроме продавщицы Валентины и ее закадычной подруги Даши, обе старые девы и неразлучные подруги, как о них говорили в деревне.

— Здравствуйте, девочки.

— Здравствуйте, тетя Катя, чего тебе?

— А дайте мне, девочки, ситца на занавески, отрез на платье и дочке хорошее платье, да мужикам водочки и городской закуски.

— Все, тетя Катя, сделаем!

Вернулась с большими кусками ситца, отрезом на платье, взяла водки мужикам, которые работали с мужем, придя домой, показала обновки мужу:

— Ну, Коля, ругать не будешь? — поставила сумку на крылечко.

— Да что ты, Катя, я сам хотел все купить, да не знаю, угодил бы?

Занесла покупки в дом, тут же на крылечке раздела Элю, накупала, передела во все новое: трусики, платице в мелкий синий горошек, заплела косички и залюбовалась ею!..

— Эля, доченька, ты добегла бы до дяди Миши с тетей Галей, зови их в гости, а потом дядю Колю с тетей Дусей, всех зови.

— Хорошо, мама, я сейчас, быстро, — и убежала...

Катерина неторопливо накрывала на стол, раскладывала закуски на тарелки, тихо переговаривалась со свекровью...

Прокофьич сидел в гимнастерке с подшитым воротничком, перетянутой офицерским ремнем, читал газету, наотрез отказавшись от новой рубашки...

Прибежала Эля, выпалив с порога:

— Мама, все придут!

— Ну вот и хорошо!..

Эля села рядом с отцом, взяла старую бабушкину книж-

ку с картинками и села ее листать, прижавшись к отцовскому плечу...

В дверь вошел Миша в сером костюме с гармонью через плечо. Цыганские волосы были причесаны и вились по плечам колечками. Пригнувшись у порога, приветствовал хозяев:

— Мир вам и мы к вам!.. — Он поздоровался с Прокофьичем, потрепал Элю по щеке.

— Растем, птаха?! — спросил он с улыбкой.

— А остальные где? — спросила Катерина.

— А ты не волнуйся, тетя Катя, подойдут, на такие мероприятия быстро лыжи наострят, — сказал Миша, садясь на скамейку и закуривая. — А ты что, Прокофьич, гульнуть решил?!

— Так я что, у меня Главком есть, она все решает, — указал на Катерину.

Вошли еще двое мужчин, пригладив волосы, поздоровались, поставили поллитровки на стол, сели на скамью, закурили, и полилась тихая мужская беседа в полголоса... Вошли две женщины в красивых платьях и принялись помогать хозяйке, заставляя стол нехитрой деревенской закуской...

Как говорят, что Бог послал! И сели за стол. Миша встал и поднял рюмку:

— Ну что, с хорошим началом вас, хозяева, и первой получкой!..

Почекались, выпили, он смачно захрустел ломтиком квашеной капусты, взглянул на стакан и улыбнулся:

— Эх, светла, крепка, да подают редко!..

— А если тебе чаще подавать, больно резвый будешь, — улыбнувшись, сказала Галя, жена Михаила.

У Прокофьича после выпитой рюмки впервые за долгие годы появился на щеках легкий румянец... Григорий, статный седовласый мужик с густыми бровями, с тяжелым подбородком, пережевывая кусочек мяса и постукивая черенком вилки по столу, задумчиво произнес:

— Все хорошо у тебя, Николай Прокофьич, а живешь ты хреновато по нынешним временам, тесновато, гляди, и дочка скоро подрастет, заневестится, не гоже так-то!..

— А я, Гриша, теперь не строитель, — сказал Прокофьич, глаза его снова потускнели, он закурил...

— А это уже не твоя забота, — возразил Григорий, — пристроим горницу, а то и две, баньку, сарайчик для скотины, сами все сделаем, правда, мужики?!

— Да, конечно! — дружно поддержали мужчины, — не сомневайся, все сделаем!..

Миша взял в руки гармонь и развел меха:

— Ну, девочки, споем?! — и тихо запел мягким баритоном, —

Вот на пути село большое,
И сразу ожил мой ямщик.
Забилось сердце ретивое,
Он потихонечку запел...

Женщины дружно и плавно подхватили мотив, и полилась песня плавно и задумчиво.

— Хорошо, девки, поете, аж слеза пробивает, — сказал Григорий, — а ведь это нашенская русская народная...

— Давайте еще выпьем, а то пироги остынут, — сказала Катерина.

Снова вышли, закусили, тихо переговариваясь о жизни, о хозяйстве, о делах... Миша снова взял гармонь в руки, пробежал по клавишам, и дробно застучали каблуки Галины под переборы «Барыни». Долго выбивала дробью о половицы, пока не опустилась в изнеможении на стул:

— Все, не могу!..

Далеко за полночь разошлись, мужчины вышли на крыльцо с Прокофьичем, покурили и тихо разошлись, а он долго смотрел им вслед...

* * *

Через неделю, вернувшись с работы, Николай с Катериной, ни своего дома, ни подворья не узнали: половина крыши была покрыта цинковым железом, со второй половины тоже был снят старый почерневший тес, и белел новый решетник... Во дворе были сложены сосновые бревна, рамы, двери, половые доски и брусья. И закипела работа на дворе Николая... Быстро вырос пристрой из двух горниц с окнами в резных наличниках, низкое крылечко, рубленая баня, два больших сарая, в которых вскоре появилась живность: куры, гуси, корова, пара овечек...

Всем хозяйством теперь занималась Евдокия, мать Ни-

колая Прокофьяча, похожая на монахиню, вся одетая в черное, суровая, молчаливая женщина... Поговаривали в селе, что с того самого времени, как привезли ее Николая со станции, завернутого в шинель, без ног, занесли в дом, так и замкнулась она, ушла в себя!.. Почернела лицом от горя, вроде, как умом тронулась. Бывало спросят соседки: «Как живешь, Евдокия?» «А ничего, слава тебе, Господи...» И пройдет мимо, опустив глаза... С тех пор не докучали ей расспросами. Молча кивали головами и проходили мимо, боясь взглянуть в переполненные горем глаза! Да и к тому времени появилось в селе много вдов и сирот. И каждая вдова в своем неутешном горе говорила так: «Хреновый мужичишка, а бабе в горе утеха!» Еще Евдокия была благодарна Екатерине, не бросила мужа, не вильнула хвостом, как другие, еще и девчурку родила. И все-таки страшно было Евдокии смотреть на обрубленное туловище сына!..

Глава 2. В ПОЕЗДЕ

Вагон покачивало, дробно стучали на стыках колеса, слышалось монотонное та-та-та-та...

Владислав Костров, молодой журналист, сидел и что-то записывал в толстый блокнот, изредка отрываясь и перечитывая написанное... В углу у столика стояли костыли, явно говоря, что их хозяин — инвалид. Оторвавшись от блокнота, он закрыл его, потер пальцами уставшие глаза и посмотрел в окно на матово-зеленую майскую зелень... И подумал про себя о том, что проходит его последняя командировка, его стажировка заканчивается. Конец его коротким замечкам, начинается настоящая работа «спецкора»...

А в сумке лежало несколько чистых блокнотов, фотоаппарат, магнитофон. И первое направление, в котором говорилось: «Выдано спецкору Кострову В.П. командировочное удостоверение для подготовки материала о совхозе «Холодный Ключ».

Недавний утренний дождь омыл и без того яркую зелень, и в окно врвался свежий утренний ветерок! Вагон был почти пустой, чистый, в соседнем купе сидели две старушки, а из ящиков, стоящих на полке, накрытых марлей,

доносился тихий писк, видно, везли инкубаторских цыплят... По другую сторону вагона у окна сидел лысый мужчина, курил, глядя в окно. Лицо у него было хмурое, с синевато-красным оттенком, от него пахло винным перегаром, когда он поворачивал небритое лицо, ехидно щуря и без того маленькие водянистые глаза с красноватыми жилками на белках. В углу у столика, завернутые в мешковину, стояли грабли и лопата, он курил и что-то бубнил себе под нос, вытирал лицо грязной тряпичей вместо носового платка...

Поезд часто останавливался, пропуская встречные, иногда это были маленькие полустанки, разъезды.

На одной из станций, а называлась она «Большой Бор», в вагон вошли две миловидные женщины, обе были одеты в легкие летние платья, с большими дорожными сумками... Одной было за пятьдесят, второй — не больше тридцати... Пожилая — с гладко зачесанными волосами на прямой рядок, вторая, та, что помоложе, была очень симпатичная, вьющиеся волосы и серо-голубые глаза на смуглом лице, в кремовом платье, на плече висела сумка, а в руках был большой баул... Они тихо шли по проходу, приглядывая место получше. Дойдя до купе, где сидел Владик, остановились.

— Здравствуйте, — приветливо улыбнулась одна, — полочка свободна?

— Да, да, располагайтесь, пожалуйста, — улыбнулся Владик, — верхняя и нижняя тоже...

— Ну вот и хорошо, располагайтесь, тетя Маша, у окна, а баул я поставлю вот здесь, вот так!

— Спасибо, Эля, спасибо, дочка!

— А я, пожалуй, пойду переоденусь, — сказала девушка, доставая из баула красную кофточку и трико, пошла по проходу, дробно стуча каблучками...

А женщина, пригладив волосы рукой, сказала:

— Слава Богу, скоро приедем, — и придвинулась ближе к окну, положив руки на столик. — А ты, сынок, куда едешь, к своим или просто, по делам? — спросила она.

— В командировку, в совхоз «Холодный Ключ».

Мужчина, сидевший в углу, вдруг грязно выругался, передразнил Владика:

— В «Холодный Ключ» в командировку, работник, мать твою так! Сидел бы уж, не дергался, дармоеды-склочники, писаки, я бы вас попереवेशал всех! — он взял лопату и мо-

тыгу и пошел в дальний угол вагона, — больно культурные, мать вашу так! Здрасьте! Пожалуста! Ух, суки!

— Да ты что, кобель шелудивый, на человека сорвался, — глядя ему вслед, сказала возмущенно тетя Маша...

— Да успокойтесь вы, тетя Маша, ничего не произошло, просто перепил человек, вот и все!

— Ой, сынок, а как тебя зовут-то, забыла спросить?

— Владиком, — ответил он, улыбнувшись...

— Так ты, говоришь, едешь к нам в «Холодные Ключи»?!

— Да, вроде бы так получается...

— Ты уж, сынок, прости мое бабье любопытство, а с ногами-то что, в аварию попал или как?

— Да нет, тетя Маша, с детства, после болезни так получилось...

— Семья-то есть?

— Да есть, живем пока с мамой, а отец погиб на фронте!

— А кем же ты работаешь, при твоём здоровье тяжело ведь ездить?!

— А езжу я редко, так, от случая к случаю, а работаю журналистом в газете.

— А Эля у нас тоже работает, учительшей, ребяток учит в первых классах, — сказала тетя Маша, потом, перейдя на полусшепот, произнесла, — сам видел, какая красавица, уже тридцать два года, а не замужем!

— На это, значит, есть свои причины, — ответил Владик.

— Вот так и живут с матерью — одна старая девица, вторая — старая вдовица! — говорила тетя Маша, подперев голову рукой...

Потом, немного помолчав, продолжала:

— А ведь Элин отец вернулся с войны-то тоже без ног, выше колен отняли, а она махонькая была, все, бывало, его на маленькой коляске возила, толкала за плечи... Бывало, страшно смотреть было, а потом привыкли... А умер он, когда ей было лет одиннадцать, а может, и двенадцать, от воспаления. А родила ее Катерина — подружка моя — тоже с опозданием, либо в тридцать с лишним лет!.. Вот и сейчас мы с Элей ездили в «Большой Бор», там живет старшая сестра ее матери, приболела немного, вот пока ухаживает, а Эля им продукты возит. Мать ее спрашивает: «Эля, доченька, и когда ты замуж выйдешь?» А она смеется, говорит: «Мамулечка, миленькая, неужели я тебе так надоела, что

ты не чаешь меня замуж выдать?!» «Да не в том дело, дочка, тебе уже тридцать!» — «Подумаешь, тридцать, подождите, выйду, нарожаю вам с тетей Маней внуков, только нянчите, не ленитесь!» «Ну вот и поговори с ней, Маша», — доверительно говорила Катерина.

Владик услышал стук каблучков — это возвращалась Эля, на руке висело платье и полотенце, на волосах поблескивали капельки воды... Подойдя к полке, положила платье в баул, сложила полотенце, спросила тетю Машу:

— Баба Маша, ты, вроде, какая-то сердитая?!

— Ох! Не говори, Эля, видела, против нас сидел плешивый мужик? Ни за что обидел человека, прости, Господи, последними словами, — сказала она, указав на Владика...

— И ты из-за этого расстроилась?! Чего с дурака возьмешь, кроме анализов, ты подумай сама, тетя Маша?! — улыбнулась Эля...

Эля села на полку рядом с тетей Машей и обернулась к Владиду:

— Извините, что не представилась, — и протянула руку, — меня зовут Эля, а вас?

— Меня зовут Владислав, а проще — Владик! — Он держал ее руку, пожалуй, больше обычного, но она не отняла ее...

А тетя Маша тем временем доставала из сумки дорожные припасы: копченое сало, домашние лепешки, зеленый лук, маринованные огурцы и вареную курицу, свежий хлеб, резала большими ломтями... Эля чистила яйца, Владик разливал чай из своего термоса в стаканы...

— Ну вот и все готово. Давайте кушать, — сказала Эля.

Владик достал из сумки пачку печенья «Дорожное» и положил на столик:

— Берите к чаю, очень вкусные, — сказал он.

— Спасибо, и вы кушайте наши деревенские деликатесы, берите свежий лук, хлеб, он у нас тоже вкусный! — Она посолила яйцо и протянула Владиду, — берите, не стесняйтесь!

— Из ваших рук особенно приятно, спасибо!

— Пожалуйста, кушайте на здоровье!

А поезд тем временем отстукивал километры, а в вагоне шла непринужденная тихая беседа.

— Владик, а куда вы едете, если, конечно, не секрет? — спросила Эля.

— Да к нам он едет, в «Холодный Ключ», — опередив с ответом, сказала тетя Маша, — он работает... ох, Господи, забыла, вот память стала!..

— Журналистом я работаю в районной газете, а вернее сказать, стажируюсь...

— Счастливый вы, наверное, человек? Интересная работа, все время в дороге, общаетесь с людьми?! — спросила Эля.

Владик допил чай, помолчал, словно что-то обдумывая:

— Эля, ведь счастье — понятие относительное, скорее, это удовлетворение для души и понять больше в жизни! А в нашей работе бывает всякое, нервов тоже хватает, да и, откровенно говоря, не очень благодарная! Но ты права в одном — интересная! А насчет личного счастья, это для меня вопрос на данный момент слишком болезненный, пойми меня правильно и без обиды!..

— Господи! Эля, дай ты человеку закусить, — с упреком произнесла тетя Маша, — кушай, сынок, огуречки, вот масло, намажь на хлеб, варенье бери, кушай, не стесняйся!

Эля улыбнулась:

— Прости, тетя Маша, виновата...

Похрустывая огурцом, стала смотреть в окно на мелькающие стволы берез, легкий ветерок врывается в окно вагона, слегка колыхал занавески на окне, когда-то голубые, а сейчас выгоревшие...

«Какая красивая девушка, — думал Владик, — красота, ум, все сочетается в ней, удивительно красивые глаза, высокая грудь, не тронутые помадой губы, волнистые волосы!» Он невольно украдкой смотрел на нее, думал: «У нее, наверно, есть жених, а то и муж!»

И, словно угадав его мысли, тетя Маша сказала:

— Эля, дочка, выходила бы ты замуж, я бы с твоей грудью нарожала десятерых, смотри, кофта, того и гляди, лопнет!

Эля слегка покраснела, щеки покрыл легкий румянец, может, от смущения, а может, от чисто женской прямоты тетя Маши!.. Похрустывая стебельком лука и прикусывая ломтиком хлеба, сказала, улыбнувшись:

— А что, тетя Маша, вот возьму и нарожаю вам с мамой внучку, нянчить будете!..

— Я тебе серьезно говорю, а тебе все шуточки, — говорила тетя Маша.

— И я тебе серьезно, — сказала Эля, — рожу вот от Владика!..

— Да ты что говоришь, — всплеснула руками тетя Маша, перестав пить чай.

— А что ты так напугалась?! Парень, что надо, красивый, умный, а то, что без ног, на костылях — это ерунда, ведь папа вообще был без ног, а воспитали, вырастили меня!..

— Ну и язык у тебя, Эля! Парень чуть чаем не поперхнулся, — говорила тетя Маша, отпивая из стакана чай...

А Эля все не унималась:

— А как Владик на это, интересно, посмотрит?!

Он, оправившись от легкого смущенья, полушутя-полусерьезно сказал:

— Ну, если принять за чистую монету, то будет золото!

— Ну, как видишь, тетя Маша, вызов принят! — Эля, озорно блеснув глазами, протянула руку ему, он пожал ее и на несколько мгновений почувствовал, что в нем что-то дрогнуло!

Он закурил, глубоко затянувшись, и стал смотреть в окно на мелькающие деревья, они то приближались совсем близко к окну, то плавно удалялись... И все сливалось в один зеленый мазок, словно кто-то провел мягкой кистью по небу!..

...

У Эли вдруг возникло нежно щемящее чувство ни то жалости, ни то нежности к незнакомому ей человеку, да так, что защемило что-то в душе, а сердце забилося, как птица-подранок! Захотелось ей вдруг приласкать, погладить его уставшее от болезней тело, разгладить ранние морщинки на печальном лице, и это желание было столь велико, что она едва сдержала себя. «Да что это со мной? — думала она. — Остынь немного!»

— Эля, у вас в селе есть, ну что-то вроде дома приезжих или что-то вроде этого? — спросил Владик.

— Я ждала этого вопроса, — сказала Эля, — и сразу огорчу тебя, не было и нет у нас такого дома...

Тетя Маша встрепенулась:

— Да что ты, сынок, поедем прямо ко мне, изба у меня светлая, просторная, живи, сколько душе угодно! Дочка у меня замужем, а я живу одна...

— Нет, тетя Маша, не уговаривай, ничего у тебя не выйдет, — решительно сказала Эля. — Ну, ты сама подумай, ты целый день на работе, а что он один делать будет, не покушать, не умыться?! Мы с ним сразу поедем ко мне! — Она взглянула на Владика...

— Хорошо, хорошо, Эля, сдаюсь и повинуюсь, — сказал он, улыбнувшись, — решено!

«А ведь попробуй откажись — обидится, вот сорви голову!»

Неужели еще вздумает меня в бане мыть?!

А в принципе можно и в плавках помыться, ничего страшного!..»

Он почувствовал в себе какое-то до сих пор не знакомое ему чувство, от которого задрожали кончики пальцев и так же, как и у нее, забилось сердце, и чтобы заглушить волнение, он закурил и стал смотреть в окно на меняющиеся пейзажи.

Вот за окном замелькали опоры железнодорожного моста через неширокую речку с пологими берегами, заросшими ивами и молодыми березами... А в воде купались совершенно голые малыши, стоя по колено, выставив животы солнцу, и махали руками, завидев поезд. По всему было видно, что это дети путевого обходчика. И он сам стоял у небольшого кирпичного домика, одетый в оранжевую безрукавку прямо на голое тело, в вытянутой руке он держал желтый свернутый флажок, в другой руке — кирка. Он внимательно провожал взглядом каждый проходивший вагон, медленно поворачивая голову...

Владик медленно повернул голову и увидел, что женщины о чем-то тихо разговаривают.

— Извините, отвлекся, спасибо за обед.

— Да, какой там обед, просто перекусили, — сказала тетя Маша, — на доброе здоровье, сынок, чего уж об этом говорить.

Эля достала платье:

— Пойду переоденусь, и вы собирайтесь, через час будем дома...

Вернувшись, присела на полку рядом с Владиком, поправила руками волосы:

— Давайте, Владик, я вам немного помогу, похозяйничая, можно?

— Конечно, — улыбнулся он, — ради бога!

— Так, так, блокноты сюда, термос тоже, полотенце сюда, в уголок, авторучку в кармашек, кажется, все?

— Спасибо, Эля, большое!

— Да не за что! Дело привычное, женское!..

Владик надел пиджак, повязал галстук.

— Давай, я еще поухаживаю, вот так, молодец хоть под венец!

Владик взял сумку, хотел надеть ремешок на плечо, Эля решительно взяла себе:

— Э, нет, дружок, давай сюда, я сама все вынесу, а ты пока продвигайся к выходу, подожди в тамбуре...

Выйдя в тамбур, достал пачку сигарет, закурил, шум колес здесь усилился, да и качало сильнее... У раскрытой двери стояла проводница и смотрела вдаль, ветер упруго ударял ей в лицо, обернувшись, она спросила:

— Что-то рановато вышел?..

— Просто покурить и отдохнуть от вагонной духоты...

— Да тебе можно и в вагоне покурить, вон какие мордороты курят, и ничего им не скажешь! А эта девушка, что, твоя жена? Такая красивая, прямо глаз не отведешь!

Владик смутился, слегка покраснев:

— Да что ты, Лена, просто попугайчик, познакомились только сегодня.

— Странно, а мне подумалось, вы супруги, она так ухаживает за тобой! Скоро ваша станция «Холодный Ключ», вон, видишь, березки в низине?! Еще минут десять — и будете на месте...

В тамбур вышли тетя Маша и Эля, вынося вещи, стало сразу тесно.

Поезд, пройдя еще немного, замедлил ход и остановился на маленькой станции у платформы... Первой сошла проводница, за ней сошла Эля, оставив в сторону вещи:

— Давай, Владик, костыли и сам спускайся, — сказала Эля.

Владик взялся за поручни, быстро спустился, сел на нижнюю ступеньку, взял у Эли костыли и тихонечко пошел по платформе, пожелав счастливого пути проводнице. Следом шли тетя Маша и Эля, шли медленно, пристраиваясь к его шагу.

— Однако, лихо ты спустился, — сказала Эля.

Владик оглянулся, улыбнувшись сказал:

— Привычка, Эля, я привык и обхожусь без посторонней помощи, а вообще-то, у меня есть легковая машина, мог бы, в принципе, приехать и на ней, но далековато, четыреста километров!..

— Эля, дочка, ты пойди к почте, может, кто из наших здесь, приехал на машине, — сказала тетя Маша, — а мы посидим здесь у оградочки.

— Я сейчас, быстренько, — согласилась Эля и, стуча каблучками, быстро пошла, легкий ветерок колыхал подол ее платья...

— Слава Богу, приехали, — сказала тетя Маша, — здесь до совхоза недалеко, рукой подать.

Тем временем поезд медленно тронулся, и проводница, махнув рукой, крикнула:

— Счастливо оставаться!

Прибежала Эля, немного отдышавшись, сказала:

— Ну, идемте, на наше счастье приехал на почту наш шофер Коля.

Не успела она взять вещи, как прямо на перрон из-за поворота выехал уазик с брезентовым тентом, из кабины вышел рослый курчавый парень, улыбочивый и голубоглазый:

— Батюшки! Да здесь все свои. Здравствуй, тетя Маша!

— Здравствуй, Коля, сынок, спасибо, что приехал.

Эля, улыбнувшись, сказала:

— Знакомься, Коля, это Владик, журналист, приехал к нам в командировку...

Обменявшись рукопожатием, представились друг другу.

— Может, помочь?! — спросил Коля, глядя на Владика.

— Спасибо, Коля. Я сам, — ответил тот, садясь в кабину и укладывая костыли рядом...

Коля сел за руль, обернулся к женщинам:

— Ну, что, поехали?

— Поехали! — ответили в один голос.

Николай плавно тронулся, и машина, набирая скорость, миновала вокзал и крохотное здание почты, юрко покатила по дороге, в открытые окна ударила тугая струя ветра.

— Коля, давай вези сразу ко мне, — сказала Эля.

— Понял, доставим прямо к «красному крылечку» в полной сохранности, Эля Николаевна, — рассмеялся Коля, свернув золотой коронкой, — не волнуйся!..

Минут десять ехали от станции, свернули на шоссе, поворот за поворотом и минут через двадцать на обочине Владик увидел указатель: «Совхоз «Холодный Ключ» 3 км». Замелькали первые дома, и проселочная дорога повернула в село, миновав три или четыре широких улицы, остановились у большого добротного дома с верандой, с большими окнами в резных наличниках... Эля вышла из машины, открыла широко тесовые ворота, поставила сумку у низкого крыльца, открыла дверь дома... Коля тихо заехал во двор и остановил машину у самого крыльца.

— Ну вот и прибыли по месту назначения, — сказал, улыбаясь, Коля.

— Спасибо, Коля, — Владик пожал руку и вылез из машины, сел на крыльцо.

— Спасибо, Коля, — сказала Эля, подойдя к машине, — заходи в гости.

Включив заднюю скорость, он выехал со двора; приоткрыв дверцу машины, тетя Маша сказала:

— Я к вам вечером наведуясь, ждите.

Умка тем временем крутилась у ног хозяйки и повизгивала, пока та закрывала ворота.

— Умка, милая моя собачка, заждалась, сейчас я тебе вынесу покушать и водички попить, а пока иди на место, иди, моя умница!.. Заходи, Владик, что же ты, теперь мы дома, не стесняйся...

Они вошли в веранду со множеством домашних цветов на широких подоконниках, прошли уютную кухоньку и вошли в большой зал со скромной деревенской обстановкой.

— Давай раздевайся и ложись, — указав на диван, сказала Эля, — наверно, устал в дороге?

— Да есть немного, — признался Владик, снимая костюм.

— Вот видишь как, я открою пока окно, чтобы не было душно, — сказала Эля. — И пойду что-нибудь приготовлю.

Переодевшись в спортивное трико и майку, он прилег на диван и почувствовал, что устал. Закинув руки за голову, беглым взглядом осмотрел зал. Кроме дивана, на котором он лежал, посредине большой стол, покрытый скатертью, книжный шкаф, комод старинной работы темного де-

рева, телевизор на тумбочке, стулья тоже старые, такие же, как у него дома, мама их почему-то называет «венскими»... Большое зеркало-трюмо с тумбочкой на резных ножках, в которое была видна дверь в спальню с большой кроватью, накрытой бархатным покрывалом... Простая люстра висела над столом, на стене в большой рамке было множество фотографий, как заведено в селах, это запомнилось Владике сразу...

Он закрыл глаза, кажется, на минуту, и сразу же уснул глубоким усталым сном, будто не спал суток двое, трое...

Эля из кухни смотрела на него, на его усталое лицо: на нем, как в зеркале, и боль, и усталость, даже морщинки и те не успевали полностью разгладиться и тонкими паутинками застыли на лбу...

«Бедный, как же тебе, должно быть, больно на душе! — думала она, — а мы, порой, не замечаем чужой боли, пока горькая чаша не минует тебя самого!..»

Она вдруг вспомнила, такое же усталое лицо было у ее отца, хотя она еще тогда была совсем мала, когда мать мыла его в бане, терла спину, окуная мочалку в таз с горячей водой, потом обливала водой несколько раз, вытирала полотенцем... Отец надевал чистую рубашку, кальсоны с обрезанными штанинами, короткие, больше похожие на трусы, и такие же брюки, садился на маленькую коляску, выезжал в предбанник, долго курил, смахивая крупные бисерки пота со лба большим полотенцем... В углу у печки лежали бинты, противно пахнущие какими-то лекарствами, и мама жгла их в печке, потом мыла Элю, мылась и сама, а Эля тем временем сидела на скамейке голышом и что-то щебетала свое наивно детское, понятное только ей самой... Вымывшись, мама одевалась, потом одевала Элю, взяв ее на руки, несла домой, папа ехал за ними. Войдя в дом, всегда говорила: «А вот и мы пришли, бабулечка!» «С легким паром, дочка», — всегда говорила бабушка. «Спасибо», — отвечала мать с улыбкой. «Ты иди, мама, мойся, пока баня-то не остыла, — говорила она, — а я пока самовар поставлю, иди, не беспокойся».

Как это было давно и навевало грустные воспоминания о не таком уж и безоблачном детстве, как казалось Эле до сих пор...

Она тихо вошла в зал, достала из комода скатерть, на-

крыла ею стол, достала из серванта тарелки, расставила на столе и снова пошла на кухню, из холодильника вынула две банки, огурцы и помидоры, вернулась в зал, все разложила, порезала и, убедившись, что ничего не забыла, поправила волосы перед зеркалом и, запахнув полы халата, тихо подошла к дивану, присела на корточки, долго смотрела на спящего Владика, улыбалась, он спал по-детски безмятежно и тихо!..

Она легонько дотронулась до его плеча; открыв глаза, он не понял, где он и что с ним? А Эля, улыбаясь, смотрела, по-прежнему сидя на корточках, обнажив красивые зубы; ворот ее халата слегка распахнулся, и была видна глубокая ложбинка и ажурные кружева сорочки.

— Ну как спалось на новом месте? — спросила Эля.

— Проспал я, кажется, порядком, — сказал Владик, вставая, и взглянул на часы. — Ну конечно же, целых полтора часа!..

— Вот и хорошо, — рассмеялась Эля, — вставай, мой руки, у меня все уже готово, сейчас будем кушать. Пойдем, Владик, на кухню, я налью водички, умоешься, — но, прежде, чем подать ему костыли, оперлась на них сама, — ой, Владик, бедный, да как же ты на них ходишь, ведь под мышками больно?

— А это, Эля, без привычки, и потом, человек — это же такое существо, которое быстро привыкает ко всему на свете, короче, быстро адаптируется к любым экстремальным ситуациям, — говорил он, вставая на костыли, и улыбался... — Что же вы, Эля, меня не разбудили?! — говорил он, умытаясь.

— А зачем, Владик?! Ведь отдохнул, расслабился, все хорошо. И, вообще, Владик, давай перейдем на «ты», зачем нам все эти сентиментальности, да и потом, это не в моем характере...

— И не в моем тоже, представь, — рассмеялся он, подавая ей свою руку, — полностью с тобой согласен в этом!

Они прошли к столу, он посмотрел и спросил:

— Эля, ты что, гостей ждешь?

— Ну, конечно, — рассмеялась она.

— Здравствуйте, а я здесь в майке разгуливаю!

— А разве ты у меня не гость?! Самый дорогой, если хочешь знать!..

— Спасибо, Эля, на добром слове, но здесь деликатесов хватит на целый десяток человек!

Она звонко рассмеялась:

— А в деревне живут так, что есть в печи, на стол мечи! Ладно, я пойду принесу борщ и жареную картошку, подожди минутку...

Владик надел рубашку, достал из сумки бутылку коньяка, отвернул пробку, поставил на стол.

— Владик, ты опережаешь события, — сказала Эля, входя из кухни с кастрюлей в руках, — я только подумала, чем же тебя угостить, кроме борща?!

Эля разлила по тарелкам горячий борщ, достала из серванта рюмочки и поставила на столе, села напротив, улыбаясь:

— Люблю сидеть вот так, напротив, чтобы видеть глаза!

Стала резать хлеб тонкими ломтиками, стопкой клала на тарелку, затем стала резать огурцы тонкими кольцами.

— Ну, вот и все готово!

Он наполнил рюмки.

— А мне казалось, что ты не пьющий, — сказала Эля, цепляя на вилку ломтик сала, и улыбнулась...

— Ну, сказать, совсем не пью — это грешить против истины, так, иногда, когда взгрустнется, в кругу семьи и по праздникам...

Они легонько стукнулись рюмками.

— Ну, Владик, за знакомство?!

— Да, Эля, за доброе знакомство, и дай-то Бог, чтобы оно не кончалось.

— Вполне с тобой согласна, — сказала она, нежно глядя в его глаза, и, как ему показалось, ее глаза подернулись влагой слезинок...

Они выпили, она протянула ему на вилке огуречик:

— Ты закусывай, не стесняйся, — и сама аппетитно захрустела огурцом.

Потом они ели наваристый украинский борщ, жареный картофель с мясом, только сейчас он почувствовал, как сильно проголодался...

— Знаешь, Эля, сказать правду, я впервые вот так близко общаюсь с девушкой потому, что мне всегда казалось, что девушки смотрят на инвалидов, как на прокаженных,

либо с жалостью, либо с пренебрежением... А я ни того, ни другого не приемлю, всей душой!..

— А я это почувствовала с первой минуты нашей встречи еще в вагоне, все-таки я училась в педучилище и не зря изучала психологию... А уж в твоём положении тем более, просто тебе сейчас нужно оттаять душой, она у тебя заледенела!..

— Тогда, Эля, давай выпьем по второй, — сказал он, наполняя рюмки.

— Что же, давай, — сказала она, открывая крышку сковороды, в которой парили, источая вкусный запах, котлеты...

Эля присела ближе к нему по левую сторону.

— Поближе к сердцу, — пошутила она и стала подкладывать ему в тарелку котлеты.

— Давай, Эля, выпьем за тебя, за твое доброе сердце, я не знаю, что бы я делал без вас с тетей Машей, ей-богу!

Они выпили, закусили, изредка поглядывая друг на друга, по щекам Эли разлился яркий румянец, в глазах появились шаловливые блестящие искорки, отчего, наверно, они казались еще красивее...

— Я, кажется, немного запьянела, — сказала она, вставая, подошла к серванту, достала блюдо, — это тебе вместо пепельницы, кури!..

— Благодарю, Эля, — он закурил, осторожно положил обгоревшую спичку и стал задумчиво смотреть в окно.

Она снова села рядом, подперев щеку левой рукой, а правой взяла вилку и стала чертить на скатерти еле заметный незатейливый орнамент:

— Папа тоже много курил, — сказала она, как бы продолжая прерванный разговор...

— Ты, Эля, расскажи немного о родителях и о себе, — попросил он.

— Ну, что же, если тебе будет интересно, могу и рассказать, хотя, на мой взгляд, ничего интересного и нет. По натуре я — очень слабый, почти безвольный человек, очень жалостливый, чего ты, кстати, не любишь... Но что сделать, раз это заложено с детства.

— Это я понял, а то бы я здесь не был, да ведь, Эля, и жалость бывает разная, — ответил он. — Прости, что перебил, продолжай...

— Узнала я с детства, почему фунт лиха, можно даже ска-

зять, с избытком! Всякое бывало, но работы не боялась никакой... Жили мы небогато, но и нельзя сказать, чтобы бедно, впрочем, как все после войны! Мама родила меня поздно, когда ей было уже тридцать два года, через год после того, как папа вернулся из госпиталя... Мама часто мне рассказывала, что, вернувшись из госпиталя, папа говорил ей: «Катя, милая, брось ты меня, я же для тебя обуза! Крест Господний! И почему меня не убили там?!» А она ему говорила: «Дурачок ты мой, неразумная твоя голова, да куда же я тебя брошу и на кого?! Ты говоришь, крест Господний, так давай и нести его вместе». Обняв его за плечи, говорила в полголоса: «Сам же видишь, мать по всем ночам не спит, вся почернела от горя, мы ей должны помочь, эх ты!.. Ты, Коля, пойми одно, руки, как не говори, целы, голова-то у тебя для чего?! Помнишь, какие ты срубы для колодцев рубил, тебе же цены не было». «Все я, Катенька, знаю, но сейчас я, как видишь, не работник», — тяжело вздохнув, говорил он, закуривая в темноте папиросу, и тяжело вздыхал... Катя чувствовала, как на ее плечо скатилась горячая слеза Николая. «Успокойся, Коля, не надо!..» Она взяла его руку, положила на свою грудь и тихонько гладила, так они и засыпали, она с чувством вернувшейся женской любви, он — с затихающей душевной болью... Однажды Катя вернулась с фермы возбужденной и веселой, сбросила старое пальтишко, платок, присела на край кровати и спросила: «Ну как ты здесь без меня?! Голодный, наверно, без меня?!» Запустила руку под рубашку, погладила его грудь. «Да нет, я поел, мама накормила меня, прежде чем ехать в церковь». «Ну да ладно, тогда я перекушу и побегу на ферму...» «Ты чего-то сегодня веселая, Катя?!» — спросил Николай. Она ласково наклонилась над ним, улыбнулась: «Праздник, да еще какой, не хотела я тебе говорить, ну да ладно, скажу — маленький у нас с тобой будет, вот так-то! Сегодня так толкнулся, я чуть на ногах устояла, вся белая стала, а девчонки спрашивают, что с тобой, Катерина, а я уж промолчала, говорю, что голова закружилась, не знаю». Он обнял ее за плечи, прижал голову к своей груди, а по щекам текли скупые мужские слезы. Катя тоже плакала, увидев его счастливым, впервые облегченно вздохнул полной грудью и закурил... Шли месяц за месяцем, а Катя словно расцвела, порозовела, пополнела, ходила легко, как бы парила над землей...

Глава 3. ЕКАТЕРИНА

Однажды вечером, вымыв посуду, Катя начала мыть пол, свекровь, сидя на сундуке, вязала носок, любовалась снохой и думала:

«Какая же ты, Катя, сноровистая да скорая в делах, в трудную минуту не бросила нас, даром, что муж без ног остался, а вот ведь не ушла, как другие вертихвостки, прости меня, Господи!..»

Покончив с полами, Катя присела рядом со свекровью, вытерла руки о фартук, взглянув на спящего в спальне Николая:

— Ох, мама, что-то я сегодня устала!..

Свекровь внимательно посмотрела на нее, спросила:

— Уж не беременна ли ты, дочка?!

— Давно, мама, уже третий месяц пошел, — улыбнулась Катя.

— Святы Боже! Слава тебе, Господи! А сам-то знает? — спрашивала свекровь, целуя Катю со слезами на глазах.

— Да как же ты, доченька, решилась на такое, золотая моя?!

— А что же, мама, здесь такого? Я Коле жена, а ребенок нам нужен, да и Коля душой отойдет!

Наутро, проснувшись, Катя вышла на кухню и не узнала свекровь: та стояла у стола, месила тесто, в белом платке, в новом платье, на плите жарились в сковороде кусочки курятины.

— Ты что это, мама, стряпать задумала? — спросила Катя, улыбнувшись, — и в новое платье нарядилась?!

— А все ты виновата, Катя, такую радость подарила, что я всю ноченьку не спала! Вот и решила курничек сострять, побаловать вас.

Умывшись, Катя стала помогать матери. Не узнать было Евдокию, как челноки мелькали ее руки, по-молодому светились глаза... Николай выехал на коляске на кухню и стал умываться, пересев на табурет, изредка поглядывал на женщину... Вытираясь полотенцем, спросил:

— Что это ты, мать, с утра заканителась?!

— А-то ты не знаешь, а-то ты не знаешь, эх ты, непутевый, — она подошла и стукнула легонько по затылку.

— Ты чего, мать?! — удивленно спросил он.

— А то, сапун ты этакий, и не говорит, что жена-то

ждет ребеночка! — она рассмеялась в первый раз за долгие годы.

— А что говорить, словно сама не видишь, я и сам не знал, если бы Катя не сказала...

Когда все было готово, все сели за стол, Катя с Николаем рядом, Евдокия напротив, стала резать курник узкими ломтиками и, словно что-то вспомнив, быстро встала из-за стола. Подошла к старому шкафу, достала бутылку водки и стаканчики, поставила на стол. Катя с Николаем весело переморгнулись.

— Давно я эту бутылочку храню, так, на всякий случай, вот и пригодилась! — она поставила перед Николаем. — Разливай, хозяин, наверно, рад? — спросила Евдокия.

— Конечно, а кто не радовался бы?!

— А кого ты ждешь, сына или дочку? — спросила Евдокия, улыбаясь.

— А мне, мама, все равно, парня или девуку, кого Бог даст...

— Ну и правильно, сынок, ну ладно, давайте выпьем, детки, за внука или внучку, с Богом!

Родила Катя девочку, крепкую, беленькую, похожую на гриб-боровичок, в самом конце апреля, назвали Элеонорой, а по-своему Элей... Бывало, начнет Катя кормить грудью, та вцепится ручонками крепко и сосет-сосет, причмокивая, а радостная бабуля смеялась:

— Как ест, так и работать будет, молодец, внученька!..

Потом бабуля купала ее, добавляя в воду разные травы: ромашку, мяту или душицу... И росла Эля быстро, агукала, улыбаясь, затем начала ползать и веселить проказами...

— Так мы и жили вчетвером, — продолжала Эля свой нехитрый рассказ. — А когда мне исполнилось одиннадцать лет, умер папа, у него в легком оказался осколок, началось кровотечение, а потом, поболевав всего три дня, сказал: «Катя, зови врача, не могу больше!..» Пришла наш сельский фельдшер, потрогала пульс и, о чем-то пошептавшись с мамой, ушла... В ту же ночь папа умер, хоронили его всем селом, как здесь заведено, а буквально через полгода умерла и бабуля, видно, не выдержала разлуки с сыном... Я закончила школу, поступила в педучилище, красный диплом, и вот уже десять лет, как учу первоклашек здесь, в селе... Кстати, Владик, училась я у вас в городе, жила там три года у старенькой бабульки на квартире. Помню, часто бывали в парке

напротив училища, готовились к экзаменам, учили уроки, ели пирожки всухомятку. Уютно было в парке, тихо, только клены да березки шумели тихо...

— И я там часто бывал, тоже готовил зачеты, хотя и жил на станции в районе вокзала, ездил на велоколяске, — сказал Владик. — Пока едешь в город, успеешь кое-что обдумать...

— А возможно, мы и видели друг друга, — сказала Эля, — только не обращали внимания?!

— А может быть, — согласился он, — бывает и такое.

— Сейчас мы живем с мамой, — продолжала Эля, — она сейчас живет у своей старшей сестры, ее недавно парализовало, вот мама за ней ухаживает, да я изредка наезжаю к ним. Не знаем, сколько она проживет, год, два, три, а может, и пять, — тихо закончила Эля свой рассказ, катая булавочные шарики из салфетки...

— Эля, ты, наверно, любишь детей? — спросил Владик.

— Ой, об этом не спрашивай даже, безумно!

— А почему не вышла замуж? — спросил Владик, закуривая сигарету.

— Знаешь, Владик, на этот вопрос трудно ответить однозначно. Почему?! — задумчиво ответила Эля. — Когда была молодая, как-то не особо задумывалась. Став постарше, задумалась. Кто мне нравился, не обращали внимания! Кому я нравилась, к тому душа не лежала у самой... А сейчас вроде привыкла одна.

— Да, Эля, ты, пожалуй, права — если душа не лежит, даже сердцу не прикажешь!.. Ну что же, спасибо за обед, а главное, за откровенность, — сказал Владик, — я твой должник до вечера.

— Хорошо, — сказала она и начала убирать со стола посуду.

— Давай помогу посуду мыть, а? — сказал он.

— Да нет уж, я как-нибудь справлюсь сама, — улыбнувшись, сказала она, — лучше поищи себе другое занятие!..

— Хорошо, пойду на крылечко, попишу, — сказал он, положив блокнот и ручку в карман...

Так он работал час или два, составил план очерка, ради которого ехал сюда, и поправил старые записи, почувствовал усталость, разогнулся, вытянув руки вверх до хруста в суставах. Закурил сигарету, стал осматривать двор... Двор

был довольно большим, огороженный невысоким штакетником, окрашен зеленой краской, чистый, поросший молодой зеленой травкой. Вдоль ограды стояли пять березок-«близнецов», посаженных, видно, в один день... В углу двора стояла добротнo срубленная баня в два оконца и такой же длинный сарай, огороженное жердями стойло для коровы и сеновал... Сделано было все добротнo, по-старому, и удивительно было Владику, что две женщины содержат все в порядке. По двору ходили разноцветные куры с красавцем-петухом, из конуры, потянувшись, вылезла Умка и, подойдя к Владiku, встала на задние лапы, положила голову на колени и посмотрела в глаза, словно спрашивая: «А кто ты?! Новый хозяин? Добрый или злой?» Он гладил ее по голове и рыжей шерстке и говорил вслух:

— А я и сам не знаю, так вроде — пришлый, а добрый или злой — смотри сама!

Она, положив голову на носки ботинок, вздохнула, решила, видно, про себя: «Наверно, добрый...»

— Хорошая собачка, умная, не зря тебя называли Умкой!..

Легкий скрип калитки отвлек его внимание, подняв голову, он увидел полуторагодовалую, светловолосую, курчавую, похожую на одуванчик, девочку! Васильковые глаза излучали радость и детское лукавство! Она бежала к крыльцу, растопырив ручонки, улыбаясь четырем зубам. Белое платьице было перепачкано клубничным соком, на груди болталась соска-пустышка на голубой ленточке, коричневые колготки были мокрые... Подбежав к крыльцу, она облокотилась на колени Владика, с любопытством смотрела в глаза, продолжая улыбаться.

— Чья ты, улыба? — спросил он. — Откуда? Как тебя зовут, а, Божье создание?

Она отрицательно качала головой.

— Не знаешь, ай-ай-ай! — Владик взял ее на колени, рассмеялся, — выходит, незнакомка! — обернувшись, позвал: — Эля, посмотри, кто к нам пришел в гости!..

— Сейчас, только оденусь, — откликнулась она из глубины комнаты. И вскоре вышла в белом саржевом халате и всплеснула руками: — Лизочка, девочка моя, сладкая моя, — взяв ее на руки, осыпала поцелуями, — деточка ты моя, вся мокренькая! Боже ты мой! Сейчас пойду к твоей бабуле, возьму тебе чистенькие штанишки, платьице и

приду, — она протянула Владику Лизу: — На, поддержи ее, я мигом!..

— Подожди, Эля, принеси там в сумке коробку конфет, мы ее будем потрошить с Лизой, так мы быстрее найдем общий язык...

— Хорошо, сейчас принесу! — Эля вынесла коробку. — Только все не ешьте, а то животик болеть будет!

Владик видел, как она пробежала за калиткой, придерживая полы халата одной рукой, волосы другой. Так же быстро вернулась, держа под мышкой сверток.

— Ну вот, все принесла: и штанишки, и платице, — говорила она, разворачивая сверток, — там бабуля Шура ругает Лизочку, куда, говорит, сбежала маленькая шишига?!

Эля положила сверток на ступеньки, зашла на веранду, нагрела воды, вынесла большой таз, усадила Лизу и стала купать.

— Сейчас мы будем с Лизочкой купаться, будем чистенькие, беленькие.

Лиза весело смеялась, ежась от горячей воды. Помыв голсу и ополоснув из ковши, вытерла полотенцем, завернула в одеяло и протянула Владику:

— Держи, учись нянчить, авось пригодится, — улыбнулась Эля.

Владик взял Лизу, улыбнулся, глядя в ее удивительные голубые глаза, да и нельзя было не улыбнуться, глядя на ее милое личико и на удивительную голубизну глаз... Увидев коробку конфет, девочка потянулась ручонками, Эля взяла ее и стала кормить:

— Кушай тихонечко, так, так, умничка, ну хватит, а то животик будет болеть. Владик, посиди еще немножко с ней, я постираю ее штанишки...

— Стирай, стирай, как-нибудь договоримся с этим чудным созданием, правда, Лиза?!

— Я же тебе говорила, что эти вот крохотные вещички приводят меня в неопишуемый восторг, — говорила Эля, обернувшись и поправляя волосы рукой. — То ли чисто женский инстинкт, то ли еще какое-то другое чувство, я и сама толком не пойму?!

Все повесив на веревке и выплеснув остатки воды из таза, подошла, взяла Лизу на руки, развернула одеяло, поцеловала в щеку, присев на ступеньку, усадила на колени.

— Сначала наденем трусики, маечку, — сказала она, — вот так, а потом платьице, носочки, и будем мы чистенькие, красивые!

Владик закурил и сказал:

— Давай, Эля, фотоаппарат, я сфотографирую на память, будет, что вспомнить.

— А правда, я же видела у тебя фотоаппарат в сумке, сейчас вынесу, — взяв Лизу на руки, скоро вернулась, протянула «Зенит», — на, держи.

Он сидя навел объектив на березки, настроил резкость и сказал Эле:

— Иди туда и встаньте, у меня все готово.

— Ой, подожди немного, я хоть приведу себя в порядок, причешусь, сделаю небольшой макияж.

— Давай, давай, — улыбнулся он.

Привела волосы в порядок, слегка коснувшись губнушкой губ, сказала:

— Ну, вот мы и готовы, — и пошла к березкам, держа Лизу на руках.

— Внимание, снимаю, — сказал он, трижды щелкнул затвором, — все!

Повесив аппарат на перила, смотрел, как Эля медленно шла назад... Эля подошла, села рядом, положила малышку на руки, дала ей в рот соску-пустышку и стала тихо качать:

— Баю, баюшки-баю. Крошечка Лизочка хочет спать, ну поспи, моя крошечка, а я покачаю...

Эля сидела рядом, он чувствовал ее плечо, и у него слегка кружилась голова от этой близости. Лиза на миг открыла глаза, подняла руку, сунув за отворот Элиного халата, стала искать грудь!.. Эля тихо рассмеялась:

— Ох, ты моя лапушка, пососать захотела! Нет у тети Эли молочка, а мама уехала в больничку и увезла с собой молочко!.. Что же нам делать? Давай, Владик, одеяло, завернем Лизочку, вот так... И все-таки пососем пустую, но настоящую, да, Лизочка?!

Повернувшись к Владиду боком, Эля расстегнула пуговицу халата, вынула грудь и сунула в раскрытые Лизины губки темно-коричневый сосок. И видно было, что обе были счастливы по-своему!.. Эля чувствовала: легкий озноб пробежал по спине, чуть кружилась голова, и губы малышки

приятно ласкали сосок. И, вцепившись ручкой, Лиза довольно чмокала... Эля держала грудь рукой, счастливо улыбаясь и забыв про все на свете! И ей нравилась эта своеобразная игра, овеенная таинством материнства...

— А что с ее матерью? — участливо спросил Владик.

— Да вроде бы ничего страшного, просто послеродовая слабость, ведь у нее первые роды, вот и положили подкрепиться немного.

— А, тогда понятно, — ответил Владик. — Эля, а почему бы тебе самой не выйти замуж и не родить ребенка? — спросил он и только сейчас понял, что ляпнул не то и не к месту...

И ждал взрыва негодования с ее стороны, но она спокойно ответила:

— Знаешь, Владик, я бы сейчас родила с превеликой радостью, но от кого?! — вот вопрос! Отдавшись инстинкту, совершить невозможное я не могу! Пойми. Люди поймут неправильно и сочтут за ненормальную. А я все-таки педагог! Потом, хочется, чтобы это было взаимно, легко и чуточку таинственно. И ребенок чтобы родился желанный, крепкий, и совесть была бы чистой!

— Да, Эля, ты права и прости, если мой вопрос показался нелепым.

— Ну почему нелепым, ведь рано или поздно, но мы должны были задать его друг другу, мы же вполне зрелые люди. А теперь ты, Владик, скажи честно, положи руку на сердце, почему ты до сих пор не женат, а?

Он, нагнув голову, выпустил дым носом, бросил сигарету, немного помолчал и сказал задумчиво:

— Я тебе скажу словами грузинской пословицы: «Нищих и калек даже собаки ненавидят!»

— Хочешь сказать, и женщины тоже? — спросила Эля, не оборачиваясь.

— Я же этого не сказал!..

— Но подумал, — сказала она и улыбнулась. — Ну, знаешь, дорогой мой человек, это ты зря, я с этим никогда не соглашусь при всем моем уважении к тебе!.. В женщине всегда живут три великих чувства: любовь, сострадание и материнство!

Эля почувствовала, что Лиза перестала сосать, уснула, указательным пальцем потянула грудь, надев на нее чашеч-

ку бюстгальтера и застегнув пуговицу халата, обернулась к Владиду:

— Смотри, как хорошо спит. Подожди немного, отнесу ее к бабушке, хорошо?! — поднявшись, поправила одеяльце и тихо подошла к калитке, сунув в Лизин рот соску...

А Владик сидел, задумчиво смотрел на утасаживающие краски майского дня, на яркую зелень березок, на яркую пестроту бродящих по двору кур, на бегающую за оградой Умку, и вся эта сельская идиллия умиротворенно действовала на него, шел третий день его командировки... И думал о том, что хорошо, что эта командировка неожиданно даровала встречу с Элей, на вид такой непреступной, но на самом деле ласковой. А вот и она тихо возвращается назад, скрестив руки на груди, держа под локтем одеяло... Подойдя, присела рядом.

— Владик, ты почему такой грустный? — и обняла его правой рукой за плечо.

— Да нет, Эля, тебе просто кажется, — ответил он. — Просто мне очень хорошо с тобой рядом, ведь мне не приходилось вот так близко быть с женщиной!

— С девушкой, — уточнила она шепотом, сверкнув белозубой ослепительной улыбкой.

— Прости, с девушкой, — поправился он, и вдруг у него появилось какое-то, до сих пор не знакомое чувство, которое он постарался быстрее отогнать от себя. «Хорошо, что еще не покраснел», — подумал он, закуривая.

— Прости за назойливость, Владик, но скажи, имел ты дело с девушкой или женщиной?

— Нет, Эля, не имел, — сказал он задумчиво, пуская дым вниз.

В груди у Эли словно что-то дрогнуло, и чей-то чужой голос произнес насмешливо: «Да он еще молочный мальчик!» Она потерла висок кончиками пальцев — вот же, придет такая ерунда в голову!.. И чтобы загладить невольно мелькнувшую мысль и вину за нее, обняла за плечо, теснее прижавшись, ее волосы шелковисто-мягкие коснулись его щеки. Он невольно почувствовал тепло ее тела и обнял за талию.

— Наконец-то в тебе заговорил мужчина, слава Богу! А теперь расскажи немного о себе. Ведь у нас с тобой появились маленькие проблески понимания друг друга, правда?!

— Что правда, то правда, но учти, Эля, это будет или длинное повествование, либо короткий рассказ, хорошо?

— Хорошо, согласна на все, — произнесла она.

Он долго говорил, делая долгие паузы, как казалось ей, и она понимала его, заполняя паузы тем, о чем он боялся сказать... Он надолго замолчал, но произнес вдруг дрогнувшим голосом:

— Знаешь, Эля, стыдно признаться, но ни разу не видел женской груди.

Она подняла голову, взглянула понимающе в глаза и произнесла тихо:

— Знаю и понимаю твое состояние! Но не все сознают это и чувствуют. Я тебя пойму, и ты это сам почувствуешь, и, думаю, все скоро образуется, только не переживай так здорово...

— Знаешь, Эля, бывает так, что к тридцати годам у человека наступает «голод любви» и вместе с ним чувство обреченности и, кажется, на всю оставшуюся жизнь!..

— Да, ты прав, тысячу раз прав, но давай не будем омрачать этот вечер, а?! А сейчас пойду встречу коров из стада, напою парным молоком, — она присела на корточки перед ним, доверчиво положила руки на колени, — а потом помою тебя в бане, ты же вторую неделю в дороге и ни разу не мылся, ты же грязью зарастешь!..

— Эля, да как-то неудобно, право же...

— Ну, а если я попрошу, пожалуйста, можно?

— В таком случае, ты хозяйка, делай, что хочешь...

Поцеловав его в щеку, поднялась, пошла в дом, вышла, переодетая в спортивное трико, тенниску, в легких босоножках, подняв хворостинку, сказала:

— Не скучай, мы скоро придем, — окликнув Умку, легким шагом направилась к калитке и скрылась за ней.

Побродив по двору, Владик увидел у сарая штабель дров и толстый чурбак-дровосек, и десятка два нерасколотых сосновых чурбачков. Открыв дверь сарая, нашел все, что нужно: топор, колченогий старый стул, приладив к нему ножку, вынес его, сел у дровосека и стал колоть чурбачки на четыре части... Снял майку, почувствовав, как по спине побежали струйки пота, на лбу тоже появились бисеринки пота, в ладонях появился приятный забытый зуд, плечи стали упругими, закурил и подумал:

«Что я, дурень, сидел целую неделю, вот и разминка отличная!..»

Открыв калитку, во двор вошла Эля, пропустив вперед красно-бурую корову на низких белых ногах, с небольшими рожками, с большими умными глазами; следом бежала Умка, виляя хвостиком, похожим на бублик... Корова зашла в стойло и протяжно замычала, Эля, ласково погладив ее, произнесла:

— Сейчас, моя хорошая, напою тебя водичкой, подою, — набрав воды в ведро, поставила, Зорька начала пить.

Эля, подойдя к Владику, присела на корточки, спросила:

— Колеешь дрова? А у меня все руки не доходят, однако, ловко у тебя получается! Но зачем ты, тебе же тяжело, и посмотри, ты же весь мокрый!..

— Ничего, — сказал он, — это вроде разминки, мне же, Эля, не привыкать, у нас с мамой точно такой же домик, печное отопление, правда, домик поменьше... Эля, милая, дай водички попить холодненькой!..

— Ой, Владик, извини, сейчас, — она побежала к крыльцу, сняла висевший на гвозде ковшик, набрала воды из колонки и вернулась к нему. — Пей, только осторожно, очень холодная, не простудись, ты сейчас разгоряченный!

— Ничего страшного, — успокоил он ее.

Она смотрела, как он глоток за глотком тихо пил воду, оторвавшись, смахнул пот со лба и почему-то с грустью смотрел на нее. Эля, нагнувшись, взяла несколько поленьев и сказала:

— Пойду, затоплю баню, пока она нагреется, успею подоить корову и напою тебя парным молоком!..

Он возвратился, сел на крыльцо, потер горящие ладони о трико, посмотрел на баню, из трубы вился синеватый дымок. Выйдя из предбанника, Эля взяла подойник, ополоснула водой, села на маленькую скамейку, и в подойник ударилась со звоном первая струя, за ней вторая, получалось звонкое: вжик, вжик! Эля прошла с подойником, процедила молоко, разлила по банкам, поставив их в холодильник. А оставшееся молоко слила в литровую банку, взяла кружку, села рядом с Владиком:

— А теперь давайте пить парное молоко, — сказала Эля, разливая по кружкам, — мои милые работнички, всякий труд требует вознаграждения... — остатки вылила в малень-

кую миску для Умки, та принялась лакать. — Смотри, Владик, как охотно лакает!

— Вообще-то, Эля, я никогда не пил парное молоко, холодное еще выпью, а парное, не знаю...

— На, пей, не бойся, оно очень полезное, — сказала Эля, протягивая кружку.

И чтобы сделать ей приятное, Владик сделал пару глотков и действительно ощутил приятный сладкий вкус во рту.

— И правда, очень вкусно и непривычно для меня.

— Ну вот видишь, я же тебе говорила, — улыбнулась Эля...

Так, потягивая глотками молоко, они думали каждый о своем.

Эля думала, что заledenел душой человек в своем одиночестве, потому и замкнулся, а вот как сделать, чтобы оттаял, тут задача посложнее.

А ему думалось, что он до чертиков устал и только вот здесь, рядом с Элей, ему чертовски легко и уютно...

Допив молоко, она встала, поставив кружку на перила:

— Пойду посмотрю, что у меня там с баней, и подброшу еще с парочку поленьев, — взяв еще несколько поленьев, зашла в предбанник.

Очень скоро вернулась, присела перед Владиком на корточки и спросила, положив ему руки на колени:

— А у тебя есть с собой белье?

— Ну а как же, есть, там, в дипломате, под пачкой бумаги.

Эля быстро вернулась.

— Вот, все нашла: трико, майку, плавки, носки, — сказала она, взяв все под мышку. — Пойдем потихонечку в баню.

Он поднялся и пошел за ней, она тихо шла впереди, скрестив руки на груди.

Глава 4. БАНЯ

Владик вошел следом за ней в предбанник и остановился, Эля положила белье на скамью, стоящую у стенки, щелкнула выключателем, зажегся свет и в бане, и в предбаннике...

— Заходи прямо сюда, — сказала она, взяла стул, похо-

жий на кресло, и, открыв дверь, вошла в баню, Владика обдало крепким жаром, Эля поставила кресло-стул рядом с полком и сказала: — Садись, раздевайся, я схожу домой, возьму мочалку, мыло и шампунь...

Он прошел, сел на стул, огляделся. Железная печь была похожа на печь-буржуйку, только несколько больших размеров, посередине ее опоясывал кольцообразный желоб, в котором лежали крупные камни-булыжники и источали крепкий сухой жар! Стены были обиты тесовыми широкими досками и покрыты олифой, отсвечивали желто-матовым цветом. Потолок тоже был обит досками, но поуже размером, и тоже отливал приятной для глаз желтизной.

Он не заметил, как в дверях появилась Эля, с мочалкой и мылом в одной руке, а баллончиком шампуня — в другой. На ней был длинный сиреневый халат.

— Я думала, он здесь разделся, — сказала она, — а он даже и не думал, но сейчас помогу, подожди!

Она сняла халат, повесив его на гвоздь, вбитый в стену у окна, осталась в трусиках и бюстгальтере... Заправив волосы под резиночку и отбросив назад, она подошла к Владиду, снова села на корточки и начала развязывать шнурки ботинок:

— Я не думаю, что ты будешь мыться в ботинках и трико?

— Эля, как-то неловко, — пытался возразить он.

Она сняла ботинки, носки, сказала:

— Ну, что ты в самом деле, как маленький ребенок, давай не будем говорить об этом больше, хорошо?

Сняв трико до колен, она вдруг замерла на миг, вглядываясь в его шрамы на ногах:

— Бедненький ты мой, — произнесла она шепотом, — сколько мук тебе пришлось перенести!.. — Она нагнула голову, осторожно касаясь кончиками пальцев правой руки длинного, во все бедро, шва. — Не больно? — с тревогой спросила она...

— Да что ты, Эля! Этому шву двадцать лет с лишним, — ответил он и почувствовал, как ему на колено упала горячая Элина слеза... И, рассмеявшись, дотронулся до ее плеча, она подняла глаза и смотрела на него с такой нескрываемой болью, что он отвел глаза в сторону. И она, поняв это, овладела собой, вытерла ладонью слезы и стала раздевать дальше.

— Ну, а теперь все остальное, вот так! А теперь давай переберемся на полком. Давай я тебя подниму, — она, на его

удивление, очень легко подняла его, взяв под мышки, и усадила на третью полку. — Ой, какой же ты легкий, — удивленно произнесла она. И спустившись ниже, взяла таз и, поднявшись снова, начала его мыть... И вдруг, словно что-то вспомнив, сказала:

— Владик, а я ведь забыла попарить тебя, хочешь?

— Давай!..

— Сейчас, — она быстро спустилась с полка, бегом вернулась в предбанник, открыла дверцу шкафа, взяла березовый веник и снова вернулась, положила веник на скамейку и, взяв ковшик, плеснула воды на камни, раздалось легкое шипенье, и Эля, тихо взвизгнув, отпрыгнула от печки к скамейке, взяла веник и, поднявшись на полку, начала бить легонько по спине Владика, а у него было такое ощущение, словно он сидел у раскрытой дверки печи, и кто-то его то придвигал, то отодвигал, и он купался в горячих волнах пара, и порой перехватывало дыхание!

— А теперь давай ложись, попарю ноги, — говорила Эля, склонившись над ним, и снова веник легко касался его ног и груди...

— Все, Эля, хватит, не могу больше, — взмолился он. Он сел и потряс головой, чувствуя легкое головокружение.

Эля рассмеялась:

— Что, с непривычки голова кружится? Сейчас пройдет, не бойся! — Она взяла таз с холодной водой и облила его, от неожиданности он вздрогнул, и тело, ощутив прохладу, стало непривычно легкое, как будто невесомое...

— Конечно, жарковато с непривычки, — ответил Владик.

— А теперь давай я тебя помою, — она снова принялась тереть его мочалкой, мыть плечи, спину, ноги...

Трусы и бюстгальтер стали мокрые, и вся ткань просвечивала, выделяя темно-коричневые кружочки на груди и горошины сосков, с которых капала вода. Груды были полными и едва уместались в бюстгальтере. Глубокая ложбинка соблазнительно притягивала взгляд Владика, но он старался только отвести глаза и смотреть вниз!..

Эля вымыла ему голову, принесла два таза воды и облила теплой водой, он потряс головой, стряхивая воду. Слез с полка, Эля придерживала его за плечи, сел на стул.

— Фу, жарко! — говорил он, приглаживая волосы и стирая пот с лица... — Спасибо тебе, Эля, большое!

— Давай я сначала вытру тебя, — она взяла полотенце и стала вытирать голову, тело и ноги, присев на корточки. — А теперь давай одеваться, — и взяв со скамьи белье, начала надевать майку, затем плавки, и все делала спокойно и тихо, как делают ласковые матери, одевая детей...

Он что-то пытался робко сделать сам, но она спокойно убирала его руки и тихо, почти шепотом, говорила:

— Не надо, не мешай, вот так, хорошо!..

А ему была приятна эта тревожащая загадочная близость с полуобнаженной девушкой, и, чтобы как-то заглушить тревожащее душу чувство, он спросил:

— Эля, а как твоя фамилия? Это на тот случай, чтобы написать тебе...

— А она у меня простая, русская, — ответила она, — и почти как у Пушкина в «Капитанской дочке» — Гринева!

Надевая на него трико, она загадочно улыбнулась:

— Теперь я вижу, что ты не мальчик, а мужчина! Да не смущайся ты, ради Бога! Все так и должно быть, ведь все это жизненно и естественно, — и причесав его, снова улыбнулась, — вот и молодец, хоть веди под венец! Владик, ты как, пойдешь или подождешь, пока я помоюсь?

— Нет, Эля, пойду посижу на крылечке, здесь очень жарко.

Владик вышел в предбанник, Эля, накинув халат, вышла следом:

— Давай провожу.

— Да нет, Эля, дойду сам, подожду тебя на крылечке, на свежем воздухе.

— Ладно, жди, а может быть, домой зайдешь, полежишь?!

Он вышел с предбанника, закурил, сумерки сгущались, и звезды казались дрожащими светлячками в небе, то голубыми, то ярко-желтыми... Корова лежала за изгородью и жевала жвачку, изредка вздыхая. Вечер был тихим и безветренным и сильно пах цветущими майскими травами...

В запотевшем маленьком оконце бани мелькал красивый силуэт обнаженной Эли... Владик несколько мгновений смотрел, как она, склонившись над тазом, в мыльной пене стирала его плавки и майку. Ее красивые руки мелькали, как челночки, она стояла к нему передом и изредка отбрасывала тыльной стороной ладони волосы назад, сно-

ва склоняясь над тазом, запах пота от его майки щекотал ее ноздри, и почему-то в этот момент ей так хотелось к нему!..

Он же, выругав себя мысленно, подумал:

«Ну и остолоп же ты! Смотришь и себе же хуже делаешь... — сел на крыльцо, докурил сигарету и снова, как бы упрекая себя, подумал, — нет, браток, «не по Сеньке шапка, не по купцу кафтан»!

Скрипнула калитка, и он увидел, как во двор вошла тетя Маша. В одной руке она несла сумку, в другой — сверток, дойдя до крыльца, остановилась.

— Ну как ты тут, сынок, устроился?

— Все хорошо, тетя Маша, отлично!

— А что же ты в темноте сидишь?

— А просто любуюсь звездами, ведь в городе такого неба не увидишь, — сказал он.

Она зашла на веранду, зажгла свет:

— Так-то вот лучше, — и села рядом на ступеньку, одернув подол платья. — А я тебе кусочек окорока копченого принесла, на вот, — и протянула бумажный сверток.

— Ну зачем, тетя Маша, ты еще беспокоишься?

— Как это зачем, кушай, поправляйся, вон одни ребра торчат!

— Спасибо вам большое!

— Вот, ешь на здоровье! А Эле принесла баночку сливового варенья, она любит его. А где она?

— В бане, наверное, моется уже.

— А ты что же, уже вымылся?

— Да, вымылся.

— Ну вот и хорошо, тогда пойду поставлю чай, — сказала тетя Маша и пошла в дом.

Выйдя, снова села на ступеньку, опустив сильные руки на колени. Видно было, что эти руки переделали многое и работают и сейчас без усталости!.. Открылась дверь предбанника, и в светлом квадрате показалась Эля, в руках у нее был большой таз с бельем, который она упирала в бедро. Подойдя к веревке, она стала вешать, изредка отжимая и встряхивая вещь за вещью, оглянувшись сказала:

— У нас гостя! Тетя Маша, а я думала, ты не придешь...

— Да как же я не приду, надо же узнать, как вы тут, — говорила тетя Маша, вставая и направляясь к ней.

Эля продолжала вешать белье, и тетя Маша принялась

ей помогать, вешая майку, плавки и носки Владика, спросила вполголоса:

— Ну как постоялец-то, привыкает?!

— Привык уже, — сказала Эля, улыбаясь. — Парень что надо, пока я ходила за Зорькой, он доколол дрова, наладил сломанный стул, прикрутил шланг к колонке проводом! А я и ходила всего-то полчасика, прихожу, а он последний чурбачок докалывает, да так ловко у него это получается, загляденье просто!

— Ты смотри, молодец мальчишка, не смотри, что городской, — хозяйственный.

— Я поняла, что у них тоже печка в доме, — сказала Эля.

— А как же ты его купала, Эля?! — спросила тетя Маша удивленно. — Наверно, стеснялся? — тетя Маша взглянула на Элю, та улыбнулась.

— Сначала, вроде бы, да, не давался раздеваться! Потом ничего!..

— Да ты что, тоже сообразила, ввела мальчишку в конфуз.

— Э! Баба Маня, вот тут ты ошибаешься немного. Он уже не мальчишка, а зрелый мужчина, в этом я сама убедилась!

— Да ты что, девка, сдурела, наверное, — удивленно сказала тетя Маша. — Не уж-то!

— Да нет, тетя Маша. Совсем о другом, ничего особенного не случилось, нечто такое... Ты, надеюсь, поняла?!

— А! Поняла, — здесь улыбнулась и тетя Маша.

— Да, — сказала Эля, — какой мужчина вытерпит, увидев полуобнаженную женщину?

— Да, трудно парнишке, — со вздохом сказала тетя Маша. — Ведь тоже человек, что поделаешь, видно, судьба такая! Я смотрю, уж очень он молчаливый, замкнутый какой-то. Ну ладно, пойдем, а то парень заждался...

— Пойдем, — Эля выплеснула воду из таза, и они направились к крыльцу.

Эля села на ступеньку рядом с Владиком по левую сторону, а тетя Маша по правую.

— С легким паром, Эля!

— Тебя тоже, — сказала Эля, она поправила волосы рукой, взяла лежащий сверток, развернула. — Ой, какая вкуснятина — окорок!

Тетя Маша открыла сумку, достала банку со сливами:

— А это тебе, сладостен, ты что же, думаешь, я забыла о тебе?

— Спасибо, тетя Маша, моя золотая! — Эля встала, чмокнув ее в щеку. — Тогда пойду поставлю чай.

— Да не канителься ты, Бога ради! Я поставила давно, пойду посмотрю, вы уж посидите, молодежь... — Выйдя снова на крыльцо, она опять села на ступеньку, — еще немного ребятки, и пойдем пить чай, уже шумит чайник.

— Спасибо, тетя Маша, — сказала Эля, достала из банки сливу, откусила половину, а потом протянула Владуку, — на, знаешь, как вкусно! — Она приложила сливу к его губам.

— Вкусно, особенно из твоих рук, — ответил он, взял ее ладони в свои, она тихо смеялась, положив голову на плечо.

— Ой, ребята, — сказала тетя Маша, взглянув на них. — Как бы к приезду Катерины внучата не появились, ох, греховодники, смотрите у меня, — она шутливо погрозила пальцем.

— Все может быть! Все возможно, — рассмеялась Эля. — А теперь пойдемте пить чай, наверно, готов уже. Пойдем, «муженек», — она игриво подморгнула ему, — не робей и будь посмелей!

Все трое вошли в кухню, чайник кипел, пуская клубочки пара. Эля сняла его с плиты и понесла в зал.

— Зачем Эля, давай здесь, прямо на кухне, — сказала тетя Маша.

— Еще чего, будто здесь места мало, проходите в зал, — сказала Эля, звеня чашками и блюдами. Она сыпала чай в заварной чайник и заливала кипятком. — Ну, кажется, все! Ах да, еще варенья надо принести.

— Эля, возьми там в сумке у меня конфеты к чаю в коробке и печенье, — сказал Владик.

Она достала все, что он велел, и села на стул рядом с ним по левую сторону:

— Ближе к сердцу, — пошутила она.

Тетя Маша тоже села и, улыбнувшись, сказала:

— Эля всем хорошая хозяйка, а вот для мужчины чего-то не хватает на столе?!

Эля весело рассмеялась и, вставая из-за стола, сказала:

— Ты совершенно права, баба Маня, сейчас исправим!

Она достала из серванта рюмки, протерла их полотенцем и, снова вернувшись, достала начатую бутылку коньяка и вина и пошла на кухню, принесла жареного мяса и помидоров...

Тетя Маша удивленно, оторопело смотрела и, вдруг рассмеявшись, сказала:

— Да я же, ребята, пошутила!..

Эля тем временем несла из кухни сковородку с подогретым мясом и тарелку с груздями, снова села за стол, улыбнулась:

— А какие шутки могут быть, все правильно, он устал и заработал, а тем более в бане помылся, тут уж сам Бог велел! Да что же это со мной сегодня творится, — всполошилась Эля, — забыла хлеб и соль...

— Ладно, сиди, сиди, — успокоила ее баба Маша, — сейчас принесу.

Владик разливал коньяк по рюмкам, налил тете Маше и, видя краем глаза, что она идет обратно, с расстановкой произнес, наливая рюмку Эле:

— А это тебе, жена!

Эля поцеловала его в щеку и весело сказала:

— Слышала, тетя Маша?

— Уж как не слышать, хоть в пору «горько» кричи, — также весело отозвалась она.

Все дружно выпили и стали закусывать.

— Чует мое сердце, влетит мне от Катерины, — сказала она.

— Не волнуйся, тетя Маша, заступимся, — сказала Эля, смеясь...

Потом долго пили чай, тихо говорили о разном, о том, как раньше жили, мирно и в согласии, и как живем сейчас... Потом, отпив из чашки чай, тетя Маша, взглянув на Владика, вдруг спросила:

— Сынок, скажи, а что бы сказала твоя мама, увидев все это, — она провела рукой над столом...

— Да, что бы сказала? — спросила Эля.

Пережевывая кусочек мяса и постукивая вилкой, он спокойно ответил:

— Конечно, ничего дурного не сказала бы, а только бы порадовалась, и, вообще, она человек сама по натуре гостеприимный, и дома у нас всегда народ, так же пьем чай, летом — в саду, зимой — дома, из самовара. Так что я за это спокоен. В том возрасте, в котором я нахожусь, пора бы определиться, но... Нет возможности, да и не хочется быть обузой для кого-то!

— Скажу тебе прямо, вот в этом ты не прав, — возрази-

ла Эля, откусывая печенье и запивая чаем. — Мы уже говорили с тобой на эту тему сегодня, тебя пугает общение с женщиной, всего-то навсего!

— Ну ладно, мои хорошие, я, пожалуй, пойду, — сказала тетя Маша, — а вы оставайтесь с Богом! Мне еще и скотину надо накормить и прибраться дома, — сказала она, вставая из-за стола. — Да, я, кажется, немного опьянела, хорошо, что мужика нет, а то бы!..

— Ну уж скажешь, баба Маня, — сказала Эля, — опьянела! Пойду провожу ее немного, — шепнула Эля ему на ухо, — а ты подожди, ладно?!

Он согласно кивнул... Подойдя к окну, он закурил, видел, как женщины скрылись за калиткой, и залюбовался лунной деревенской ночью, и соловей где-то совсем рядом задавал такие трели, что его душа замерла.

«Вот это да! — подумал Владик, — дает...»

Слышал он и раньше в парке соловья и в лесу в детстве, но чтобы вот так близко, с переливами да коленцами!.. И только смолкали трели соловья, как начинали свои рулады лягушки, тоже неистово стараясь во всю мочь... Владик вспомнил, что когда ехал сюда, то в полукилометре от дома Эли видел небольшое озеро, заросшее камышом и обрамленное высокими плакучими ивами, вот оттуда и доносилась веселая рулада лягушек!

«Неплохо бы порыбачить здесь денек—другой, — подумал Владик, — а вот где взять снасти?»

Он еще долго любовался ночными березами, в лунном бледном желтом свете они показались ему еще стройнее, и, словно передохнув, соловей задал такую трель, что все словно замерло вокруг... И слушал он, как очарованный странник, дорогую его сердцу песнь соловушки! И думал про себя: что грядущий день ему готовит?

«А что, собственно, он может мне готовить?! Во-первых, завтра нужно написать письмо маме, впрочем, можно и сейчас, перед сном, не откладывая в долгий ящик. Во-вторых, нужно зарядить магнитофон и проверить...»

Он отошел от окна, достал лист бумаги и конверт, начал писать:

«Здравствуй, милая мамуля! Я жив и здоров, доехал хорошо. В вагоне встретился с двумя чудесными женщинами: одна пожилая — тетя Маша, вторая молодая — учительница Эля

Гринева, чудесная девушка, чуть-чуть моложе меня, очень красивая, добрая, но ты не ревнуй и не думай, ничего дурного я не позволю!.. Я здесь чувствую себя как дома, даже помылся в деревенской бане! Командировка моя продлится около месяца, вероятно, так сказали в редакции, но я постараюсь сделать все быстрее. Не сердись, мамуля, такая жизнь журналиста, что поделаешь, я ее выбрал сам. Тяжелая, скажешь ты, но было бы хуже, если бы я ничего не делал и прожигал бы жизнь напрасно. До свидания, нежно любящий твой сын Владик. Привет от Эли!»

Запечатав письмо, он пододвинул стул к окну и, положив руки на подбородок, стал ждать возвращения Эли. На душе у него было какое-то приятно щемящее чувство, которое было еще не знакомо ему...

«Что это со мной? — подумал он. — Никогда не было ничего подобного. Какая-то тревога?!»

Эля не возвращалась долго, видно, провожала тетя Машу до дома. Но вот послышались легкие шаги, скрипнула калитка, в лунном свете показалась юркая тень Умки и стройный силуэт Эли. Она подошла к окну и ласково спросила:

— Ну как ты здесь, не скучал?

— Да нет, не скучал, а как-то тревожно было за тебя...

Она улыбнулась, не снимая скрещенных рук с груди, посмотрела ему в глаза как-то особенно нежно:

— Говоришь, что тревожно было?! Это уже что-то, значит, хорошо! — сказала она, дотронувшись до его руки. — Ну ладно, сейчас зайду, приберу со стола и будем готовиться спать...

Зайдя в зал, она начала прибирать со стола, выносить посуду в кухню, позвякивая тарелками, тихо бежала вода из крана. Потом, выйдя на крыльцо, соскребла с тарелки остатки пищи в чашку Умки, та смотрела и виляла хвостом, принялась есть. Эля снова вошла в зал, остановилась позади Владика, положила руки на его плечи:

— Как тебе у нас, нравится?!

— Очень хорошо, — ответил он, — особенно, чистый воздух, прямо не надышишься, — он положил свою ладонь на ее запястье.

Увидев на краешке стола конверт, Эля спросила:

— Что, решил маме письмо отправить?

— Ну, конечно, чтобы не беспокоилась.

— А от меня привет-то передал, хотя бы заочный?

— Ну конечно, передал, — улыбнувшись, сказал он, — как же иначе, чудачка ты, и даже описал, какая ты красивая!

— Ну уж прямо, как Василиса Прекрасная, — рассмеялась она.

— А так оно и есть, — сказал он, поворачиваясь к ней. — Кстати, Эля, отправь завтра письмо, я не знаю, где у нас здесь почтовый ящик, и позвони Коле насчет машины.

— Хорошо, отправлю, пойду за хлебом, опущу, не волнуйся, — она взяла конверт в руки, посмотрела на свет, — да что же ты здесь написал, две строчки?

— Думаю, хватит, жив, здоров и того достаточно!

— Зато я тебе буду писать вот такие длиннющие письма, — и развела руками в стороны, осторожно положив конверт на комод.

Отойдя от комода, она разложила диван, превратив его в большую кровать, достала простыни, пододеяльник, стала застилать постель. Принесла две пуховые подушки, одела и, завернув края, сказала:

— Ну, вот и все готово! Раздевайся и ложись, а я сейчас приду, пойду закрою калитки, — Эля вышла, звякнув на веранде дужкой ведра.

«Наверно, решила напоить корову,» — подумал про себя Владик и направился к дивану, стал тихо раздеваться, приподнял край одеяла, лег, заложив руки за голову. И только сейчас почувствовал, как устал...

Глава 5. СОН

Так, лежа в постели, он смотрел в окно и думал про себя:

«А все-таки необычно добрая Эля девушка, помыла, накормила, спать уложила, видно, в деревнях такой обычай добрый — особое гостеприимство, простота и душевность заложены с давних времен... Вот и две подушки положила, два одеяла, что все это значит, чудно?!»

Его вдруг осенила догадка, от которой бросило в легкий жар! Сердце учащенно забилося! А в широко открытые окна ярко спокойным светом светила луна и звезды были почти не видны.

В кухню тихо вошла Эля, остановилась у стола и начала складывать вымытые тарелки в стопку, изредка поглядывая на Владика, откидывая ладонью волосы назад.

— Владик, ты спишь?

— Нет, Эля.

— Ты мне сказал, чтобы я завтра позвонила Николаю насчет машины...

— Да...

— Ты лучше отдохни денек, другой, ведь устал, признайся?

— Есть немного, Эля.

— Ну вот и отдохни, почитай, погуляй по свежему воздуху, а потом и за работу возьмешься.

— Ладно, уговорила, сдаюсь и повинуюсь, — улыбнувшись, сказал он. — А сама-то отдыхать сегодня думаешь или нет?!

— Сейчас, сейчас, ну вот и все, кажется.

Войдя в зал, она потушила свет, свет луны стал еще ярче. Зашла в спальню, зажгла ночную лампу и стала раздеваться... Он увидел в зеркало, как она сбросила халат, положила на стул, закинула руку за спину, расстегнула бюстгалтер, положила на халат. Он увидел ее полные груди, словно вылитые из гипса, она поправила рукой волосы, чуть прогнувшись назад, от чего линия груди стала еще красивее и выразительнее... Быстрым движением рук она сняла узкие плавки, чуть подавшись вперед... Открыла дверку бельевого шкафа, надела длинную ночную сорочку с глубоким вырезом на груди, сложила какие-то вещи и потушила свет... Подошла к дивану, присела рядом, привычно поправила волосы, плавно откинув их рукой назад. Он смотрел на нее широко раскрытыми глазами.

— Ну что же ты на меня так удивленно смотришь, мой хороший?! — спросила она тихо и, нагнувшись, обняла за шею одной рукой, глядя по волосам другой. — Положишь рядышком или нет? — шепотом спросила она, нежно глядя ему в глаза...

Он в знак согласия кивнул головой:

— Конечно, ложись!..

— Тогда двигайся, — приподняв одеяло, она легла, он обнял ее, долго, молча лежали, он смотрел на нее, она на него с легкой улыбкой на губах.

Взяв его руку, положила на грудь.

— Эля, это не сон? — спросил он дрогнувшим от волнения голосом.

Она тихо рассмеялась:

— Да нет же, мой хороший, вот я, рядышком с тобой, я твоя!

Дрожащие пальцы его руки скользнули по ее колену, она почувствовала, как напряглось все ее тело и соски на грудях. Приподнявшись, шепнула чуть дрогнувшим голосом:

— Подожди, я разденусь, — она сняла сорочку, положив ее на стоящий позади дивана стул...

Потом снова легла, к нему боком, и он снова крепко обнял ее, поцеловал в глубокую ложбинку, потом в грудь!.. Наконец, оторвавшись, стал смотреть на нее и осторожно водил пальцем по груди. Она тихо гладила его волосы чуть дрожащими пальцами, закрыв глаза, и дыхание ее было прерывистым, и он, прижавшись ухом к ее груди, слышал, как часто бьется ее сердце...

Она закрыла глаза и стала ложиться на спину, он почувствовал, как ее колени выпрямились, и ноги скользнули под его колени, чуть подавшись вперед, почувствовал под собой нечто... Обхватив его спину руками, прижала его и почувствовала легкую, щемящую боль под животом!..

Потом они долго лежали молча, только руки ласкали плечи, лицо, и губы изредка сливались в коротком жарком поцелуе! Эля долго смотрела на яркие звезды, голова ее еще кружилась в легкой истоме, и она думала про себя.

— А знаешь, Владик, о чем я сейчас подумала?!

— Нет, Эля, не знаю.

Она взяла его подбородок пальцами, нежно посмотрела в глаза и таинственно сказала:

— Может быть, у нас будет маленький: мальчик или девочка! Как ты на это посмотришь?!

— Элюшка! Да это будет очень хорошо, я буду рад! — он крепко обнял ее за плечи.

— Ой, подожди, да так же ты меня задушишь, сумасшедший! — она счастливо улыбнулась, прижалась к его плечу. — А как ты меня сейчас назвал?

— Элюшка...

— Меня так только папа называл: Элюшка — золотая денежка!

Потом задумчиво произнесла:

— А знаешь, Владик, я давно мечтала, чтобы вот так тихо свершилось мое бабье счастье! Тихо, незаметно, с лаской, что-

бы дух захватило от радости. И как мне тебя Бог послал, не знаю сама! Владик, а что теперь скажет твоя мама, узнав обо всем?

— А я ей пока ничего не скажу, пусть для нее это будет маленьким, но приятным сюрпризом! А что скажет твоя мама? — в свою очередь спросил он, задумчиво глядя ей в глаза.

— Ну, с моей мамой легче, она все это пережила, перестрадала, пожурит немного и все.

— Я думаю, с моей то же самое будет.

— Владик, а ты надолго к нам? — спросила Эля, лаская его волосы.

— Не знаю, Элюшка, наверное, до тех пор, пока не прогонишь.

— Ну зачем ты так, Владик, живи, сколько захочешь, родной ты мой, хороший! Знаешь, Владик, мне как-то с тобой спокойно и на душе хорошо. Кажется, я прикипела к тебе душой за это короткое время. А может, ты останешься совсем?! —

— Видно будет, Эля, надо закончить стажировку...

Небо уже бледнело, когда они заснули, обнявшись, коротким сном.

Проснувшись утром, Владик увидел, что Эля давно уже на ногах, стоя у стола, гладила его майку и рубашку, расправляя манжеты и воротник, выгладив все, повесила на спинку стула.

Ее волосы были скручены на затылке в тугой узел и зашпилены, это несколько изменило ее вид, и он не мог понять в первый момент, плохо это или хорошо? Она обернулась к нему:

— С добрым утром, как спалось?

— А не знаю, Эля, спал или нет, — ответил он, улыбнувшись.

Выключив утюг, она подошла и присела на край дивана, он протянул к ней руки:

— А сама-то как спала?

— Как младенец, — улыбнулась она, сжимая его руки в своих и целуя в щеку.

— Эля, ты что-то не такая сегодня?

— А, прическа?! — она распустила узел волос и встряхнула ими. — А сейчас?

— Вот сейчас лучше, — улыбнувшись, сказал он.

— Владик, а писать мне будешь? — спросила она.

— Кстати, как тебе писать? Надо записать твой адрес.

— Ой, да он очень простой: село Холодный Ключ, Гриневой Эле Николаевне — и все!

— И все?

— Представь, все! — рассмеялась Эля.

— Только о чем писать, Эля, я ведь не любитель длинных посланий.

— А много и не нужно: жив, здоров и как идет работа. А я буду писать тебе длиннющие письма, я вообще люблю писать, теперь тем более, теперь я тебе вроде жены!..

— Да, Эля, это, конечно, так, но не откажешься ты вскоре от этой идеи?

— Никогда в жизни! Верь мне, — сказала она, взяв его ладони в свои. — А теперь вставай, одевайся и давай завтракать, пока ты приведешь себя в порядок, я тем временем что-нибудь приготовлю.

Владик встал, долго мылся под умывальником, Эля тем временем готовила завтрак, жарила картошку, разогревала мясо и, выглянув с веранды, шутливо сказала:

— Сороки тебя не утащат?

— Да нет, для них я тяжеловат, — также шутливо ответил он.

— Смотри, смотри, а то у нас есть такие, что не посмотрят на вес! — весело рассмеялась Эля и ушла в дом.

Протеревшись полотенцем, Владик сел на ступеньки, закурил, любуясь красотой и свежестью деревенского утра, вдыхая полной грудью напоенный травами воздух! Услышав за спиной легкие шаги Эли, Владик оглянулся.

— Пойдем, завтрак готов, — сказала она, остановившись в дверях, оперлась плечом о косяк, скрестив руки на груди, на ее губах играла легкая солнечная улыбка. — Пошли, Владик, а то все остынет, уже будет не то.

— Иду, Эля, иду, — сказал он, поднимаясь со ступенек.

Она подождала его и, пропустив чуть вперед, пошла тихо следом...

Тихо кушали вчерашний наваристый борщ, жареный картофель и кусочки розоватого куриного мяса, ели молча, изредка поглядывая друг на друга. На веранде слышались шаги, и в открытую дверь вошел с широкой улыбкой Николай:

— Доброе утро, молодежь, и приятного аппетита!

— Спасибо, Коля, — Эля поднялась, — давай с нами завтракать.

— Спасибо, Эля, я уже позавтракал, — сказал он, заку-
ривая, и присел на стоящий табурет. — Я за тобой, Владик,
как вчера договорились, поедем?!

— Конечно, поедем, я сейчас соберусь, мигом, — ска-
зал Владик, пытаясь встать.

— Ладно уж, сиди, я принесу, — сказала Эля, направля-
ясь в зал, вышла, неся на согнутой руке выглаженные брю-
ки и белую рубашку. — Давай переодевайся, а я отнесу в
машину сумку пока.

— Ну вот, я готов, — сказал Владик и прошелся расчес-
кой по волосам, — пошли.

Выйдя на крыльцо, они увидели, что Эля стоит и ждет
их у машины, открыв дверцу.

— Мужики, вас когда ждать-то?

— Да, я думаю, мы ненадолго, — сказал Владик, удоб-
нее усаживаясь на сиденье.

Эля поправила воротник рубашки у Владика, закрыла
дверцу, отступив на шаг от машины, махнула рукой:

— Счастливо доехать!

Николай плавно тронул машину и, набрав скорость,
спросил:

— Куда ехать, Владик?

— К Назарову Алексею Ивановичу, — заглянув в запис-
ную книжку, сказал Владик.

Николай с минуту помолчал, а затем задумчиво сказал:

— Знаю его, крутой мужик, скажу тебе, порой, бывает,
даже чересчур. Но правду любит! Чуть что не так, будь то
председатель или даже районное начальство, пошлет таким
матом, что у тех глаза на лоб, субординации не соблюдает,
для него в этом случае все равны. У него из бункера зерныш-
ка не упадет, не зря у него на селе кличка «Крот»! А вот и его
дом, — он указал рукой на большой пятистенник, с крышей
под цинковым железом, с большими окнами в резных налич-
никах, стены обшиты тесовыми дощечками в елочку. — По-
везло нам с тобой, Владик, — останавливая машину, сказал
Николай, — хозяин, кажется, дома, мотоцикл во дворе. — Он
вылез из машины, постучал щеколдой калитки.

На стук к калитке подбежала юркая собачонка и звон-
ко залаяла. На крыльцо вышел мужчина, высокий, плотно-
го сложения, в тапочках на босу ногу, в трико и в майке, с
пышной шевелюрой густых волос.

«Прямо Иван Поддубный», — подумал про себя Владик, невольно улыбнувшись.

Хозяин спустился с крыльца, открыл калитку, поздоровался с Николаем за руку, они перебросились несколькими словами, тот кивнул головой и вернулся в дом, а Николай направился к машине, открыл дверцу кабины, сел на свое место.

— Подожди малость, сейчас придет, — сказал он, закуривая и протягивая вторую сигарету Владику, — закуривай, нам спешить некуда, целый день у нас с тобой в запасе.

С крыльца спустился хозяин, держа под мышкой сверток, три эмалированные кружки, и во второй руке нес трехлитровый бидончик. Подойдя к машине, он кивнул Николаю:

— Открой дверцу.

Тот, дотянувшись, открыл ее. Алексей Иванович сел на заднее сиденье, уложив сверток, и поставил бидончик рядом:

— Ну вот, а теперь здравствуйте!

— Здравствуйте, — Владик протянул руку и пожал широкую ладонь Алексея Ивановича. — Владислав, работник районной газеты, — представился он. — Алексей Иванович, я приехал к вам, чтобы написать о вас небольшой очерк, о том, как вы работаете, живете, о семье и, вообще, о деревне. Как, вы не против?

— Фу ты, черт возьми, а я уж грешным делом подумал, что на меня в газету кто написал, ей-богу! — и весело рассмеялся.

Николай тоже весело расхохотался, закидывая голову назад:

— Ну, Иваныч, ты даешь, с виду богатырь, а на деле заяц, — говорил Николай, вытирая выступившие от смеха слезы рукой. — А на собраниях ты не смолчал бы!

— То на собрании, а тут совсем другое дело, — сказал Алексей Иванович, закуривая, — тут, брат, газета!

А Владик тем временем настроил магнитофон и взял в руки микрофон:

— А теперь, Алексей Иванович, расскажите о себе немного, хотя бы вкратце.

— А что рассказывать-то?! Работаю, как все, и трактористом был, и на саяках по молодости, а сейчас комбайнером второй десяток вкалываю. Я же уже не молодой, родился в двадцать восьмом, все пережил!

— А какая семья у вас?

— Семья небольшая: мы с бабушкой, две дочери, зятя и два внука у меня, как говорил отец, всего восемь душ!

— В общем, смена есть у вас, Алексей Иванович?

— Да как сказать, — затянувшись сигаретой, сказал он задумчиво. — Внуки еще малые: одному семь годков, второму едва исполнилось три, вчера только. Так что про смену говорить рановато, если они, как дед, прирастут пупком к земле, то это другой разговор!

Алексей Иванович все время с какой-то опаской поглядывал в микрофон, порой даже замолкал.

— Да вы не бойтесь, Алексей Иванович, — сказал Владик, — это я записываю, для того, чтобы потом записать все в блокнот, а потом все сотру, все запомнить невозможно, а так легче.

— Вот до чего человек дошел, сейчас бы стариков поднять, сказали бы: «Черт в ящике поселился!» — с улыбкой произнес он.

— Э! Алексей Иваныч, сейчас едва ли чем удивишь, — сказал Коля, улыбаясь...

Еще около часа они говорили о жизни и просто о буднях. Владик взглянул на часы, постучал по стеклу.

— Коля, нам пора ехать.

— Ну что же, поехали, я не против, — сказал он.

— Нет, ребята, погодите, — сказал Алексей Иванович. — Я тут для вас кваску припас. Бабушка пирогов с грибочками завернула да груздей солененьких, яблочков моченых...

— Ну, что я тебе говорил, — сказал Коля, — от него так просто не уедешь! — Он посмотрел на Владика и улыбнулся хитровато, поблескивая глазами.

Алексей Иванович поставил кружки на сиденье и стал разливать из бидона:

— Это, ребята, свое яблочное вино, так что я не зря груздей и пирогов, — и стал разворачивать сверток, — ну вот, давайте понемногу. Это гостю, — он протянул кружку Владiku, — держи, это тебе, Коля, а это мне.

Коля плутовато взглянул на Алексея Ивановича:

— Дядя Леша, а это уже подхалимажем пахнет!

— Да ты что, Коля, — опешил дядя Леша, — я же от души!

— Я пошутил, дядя Леша, извини, — сказал Коля, виновато глядя на него.

— А раз так, то давайте выпьем, ребята, — дядя Леша поднял кружку. — На здоровье, ребята! — Алексей Иванович выпил и крикнул. — Вот это по-мужички, давайте закусим.

Стали молча закусывать. После недолгой паузы Алексей Иванович сказал:

— Тебе, Владик, не журналистом бы быть, а священником! Ведь как на духу все тебе выложил и еще поговорить охота.

— Спасибо, Алексей Иванович, на добром слове, — улыбнулся Владик, — только это у меня пока стажировка перед большой работой!

— Тем более хорошо, если это так, то ты молодцом держись! А ты у кого остановился на постой-то? — спросил он.

— У Эли Николаевны Гриневой.

— Это у нашей учительши, что ли?

— У нее, — кивнул головой Николай, опередив с ответом Владика, и продолжал жевать пирог с грибами.

— Вот золото-человек, что красота, что умица, обходительная, — задумчиво произнес Алексей Иванович.

Поговорив еще немного, они попрощались, перекурили.

— Так, ребята, я бидончик оставляю вам, «квасок» допьете, и как-нибудь завезешь, — сказал Алексей Иванович, вылезая из машины. — Счастливо вам доехать, ребята!

Николай тронул машину, и она легко покатилась по дороге, оставляя за собой легкий шлейф пыли.

— Слушай, Владик, а не заехать ли нам на речку, освежиться? — спросил Николай.

— Нет, Коля, давай сначала заедем к Эле, предупредим, а уже потом поедем на речку, — сказал Владик.

— Ну, воля твоя, поехали домой, — сказал Коля, хитровато улыбаясь. — Чует мое сердце, захомутала тебя Эля!

— Нет, Коля, это исключено, — парировал Владик, а сам чувствовал, что говорил робко и неуверенно, на сердце в самом деле была какая-то тревога.

— Давай заливай, заливай, я вижу по глазам, что это не так, — говорил Коля и подрулил к калитке Элиного дома, присвистнул, — смотри, на дверях-то замок, наверное, в магазин ушла, что будем делать?!

— Ну что же, подождем, или давай на речку, — сказал Владик.

— Давай на речку махнем, — сказал Коля и запустил мотор...

Глава 6. КОЛЯ-ЛЕСОРУБ

Коля развернул машину и тихо тронулся с места, покатил вдоль улицы, повторяя извилины дороги, ехал тихо, словно о чем-то задумавшись.

— Давай заскочим ко мне домой, возьмем пожрать чего-нибудь, вино у нас есть, целый бидон почти, отдохнем, — сказал он.

— Что же, давай, — согласился Владик, — дело хозяйское.

Подъехали к большому дому под шиферной крышей, больше похожему на украинскую хату, стены были побелены, окна большие, окрашены белой краской, красивая ограда окружала дом.

— Я сейчас, — сказал Николай и вылез из кабины, пошел к калитке, вернулся быстро с большим свертком в руках, снова сел за руль. — Вот теперь порядок, поехали купаться!

Выехали за село, мотор работал ровно, тихо, машину покачивало на неровностях дороги. Коля опять молчал, часто прикуривая тухнувшую сигарету. Словно в нем шла какая-то внутренняя борьба, и Владик это чувствовал!..

— А ты знаешь, кто тебя везет? — вдруг спросил он. — Бывший «зек», убийца!

Владик повернулся к нему лицом, на нем не отразилось ни тени удивления, ни тревоги, скорее, немой вопрос...

— Молодец, что не задаешь глупых вопросов: что, как, почему, как другие! Хочешь, расскажу?!

Владик кивнул головой.

— Тогда слушай. Окончил я ПТУ на автомеханика, проработал год в колхозе и как-то поехал к вам в город кое-что купить по мелочи, купил, дело было под вечер, иду, смотрю, лежит парень в кустах, стонет... Я, дурак, подхожу. Лежит вниз лицом, а в спине перочинный нож! Я нож вынул, присел рядом, спрашиваю, что с тобой, он стонет. И тут милиция, руки мне назад заломили, посадили в черный «воронок» и в камеру, и начались допросы: что да как, почему? Короче, пошло-поехало! Хорошо, парень жив остался, рана была неглубокая, только крови много потерял. Так и продержали меня два месяца в «сизо»: допросы, следствие, очные ставки. Приходил и тот парень, его спрашивают: «Он тебя ударил?», а он: «Не знаю, может, он, а может, нет?» Я ему, дура-

ку, говорю: «Не бил я тебя ножом, а вынул его из раны, спас тебе, олуху, жизнь, ишак ты, больше никто!» А следовательно говорит: «Я-то тебе верю, но как доказать? Ведь нож был у тебя в руках, отпечатки тоже твои остались!»

В общем, состоялся суд, и накрутили мне десять с половиной лет «строгача». Потом по этапу в Красноярский край, в лагеря, работал на маленьком креозотном заводе, где пропитывали шпалы креозотом, а потом как-то узнали, что я шофер, и вызывают к начальнику лагеря, полковнику Полянину, захожу в кабинет, докладываю: «Заклученный Трофимов, гражданин начальник, прибыл по вашему вызову». «Проходи, Трофимов, — он кивнул конвоиру, — иди, ты не нужен. Садись, Николай, не стесняйся, поближе к столу». «Да нет, я постою, гражданин начальник». «Ты брось эту субординацию, ты не в камере и не на плацу. Зовут меня Виталий Степанович, да ты садись, садись, не бойся. Я ведь тебя, Коля, по делу позвал, — он поднялся, подошел к сейфу, открыл его, достал папку, раскрыл, почитал и посмотрел на меня внимательно, — Коля, вот в деле у тебя записано, что ты водитель-автомеханик, я не пойму тебя, Коля, за каким чертом ты все это время работал на лесоповале, на креозотном заводе? Давай-ка мы пересадим тебя на «ЗИЛ-130», на тягач, будешь работать водителем, возить лес с лесоповала на завод. Согласен?» «Конечно, Виталий Степанович».

Вдруг Коля замолк и стал крутить руль вправо, сворачивая на широкую песчаную дорогу, ведущую к отлогим берегам речки с густой порослью ивняка и невысоких берез...

— Ну вот и приехали, Владик, на место, это у нас называется «старицей», давай выбирайся на песок, раздевайся, я сейчас одеяло достану, удилища, порыбачим, отдохнем, — он вылез из кабины, положил на траву старое байковое одеяло и указал рукой, — ложись, расслабься, я сейчас, — и пошел к машине...

И вернулся, в одной руке нес бидон, а в другой — сверток, все положил на траву и стал раздеваться, снял трико, рубашку, оставшись в плавках.

— Владик, раздевайся, ты чего стесняешься?

— А вдруг какие девчата, мало ли что, — нерешительно возразил Владик.

Коля весело рассмеялся:

— Вон ты о чем! Да они сейчас в пятнадцать лет знают

больше нас, тридцатилетних, лучше таблицы умножения! — он развернул сверток, там лежали вареная курица, несколько огурцов, вареный картофель, банка кильки, зеленый лук и хлеб. — Давай выпьем, — он открыл крышку бидона и разлил вино по кружкам.

Молча выпили, закусили, похрустывая огурцами. Владик смотрел на сильное, мускулистое тело, каждая мышца в нем играла, то напрягаясь, то расслабляясь.

— Силен ты, Николай, видно?

— Да, Бог не обидел, — говорил Николай, пережевывая кусочек курятины, лежа на правом боку, — не обижаюсь, силенка пока есть!

— Коля, ну а что дальше с тобой было в лагере?

— А, да, начать начал, а закончить не закончил...

Поговорили мы с Виталием Степановичем, как говорится, по душам, просидел я у него больше двух с половиной часов, он все интересовался, кто я, откуда, где работал. Потом долго молчал, подперев рукой подбородок.

— Да, Коля, вижу, ты паренек неплохой, доверить тебе можно любое дело, вижу, и наколок нет у тебя. А другой не успеет попасть, превращает себя в ходячую «Третьяковку», черте-что! Да, кстати, Коля, не смог бы ты посмотреть мою старенькую «Победу», что-то моторчик барахлит?!

— Ну что же, посмотрю, возможно, там и ничего серьезного нет.

— Тогда до встречи, Коля, — он встал из-за стола и пожал мою руку. — Да, Коля, подожди, сейчас выпишу тебе пропуск, будешь ходить без конвоя, как вольнохоженец, — сел за стол, быстро написал и поставил печать. — Ну, до завтра, иди.

Вышел я, и не верится, как-то стало не по себе от радости, прошел до проходной, предъявил пропуск дежурному сержанту. Пришел в камеру, лег на нары, положил руки за голову и, закрыв глаза, стал думать над происшедшим.

— Ну как, ходил к гражданину начальнику? — услышал я голос Лехи-«крохобора» с соседних нар...

Я открыл глаза, посмотрел на него:

— Дурак ты, Леха!

Стоящий у бачка с водой «Пахан», есть в тюрьме такая

ключка, это главный по камере, он пил воду из кружки, дядя Миша, высокий, коренастый мужчина с желтым лицом, повернул голову в нашу сторону, поставил кружку, глаза его недобро блеснули, он вразвалку подошел к Лехиным нарам, взял его за шею сильными руками:

— Ты, сучонок, чего сказал? А если человека по делу вызывали?! Смотри у меня, не вякай больше, иначе окуну в парашу башкой, понял!.. Если у парня башка работает, и он шоферюга и попал сюда ни за что ни про что, а ты, «крохобор», у стариков карманы дырявые чистил, я тебя пришибу, понял! Пусть еще срок отмотаю! — он отпустил его шею и подошел ко мне. — А ты не дрейфь, сынок, в обиду не дам!

— Спасибо, дядя Миша.

— А, чего уж там, ничего, Коля, не стоит, на том свете угольками разотчемся! — и ушел на свои нары.

Утром меня вызвал надзиратель с вещами, посадил в машину и увез из зоны, у дома Виталия Степановича остановились, он уже ждал у калитки, поздоровались, он кивнул шоферу:

— Спасибо, езжай, все в порядке. — и тот уехал...

Дом Виталия Степановича был, по сибирским меркам, маленький, низенький, но просторный, от дома начинался поселок, где, в основном, жили надзиратели и солдаты, офицеры охраны лагеря, и отсюда начиналась глухая тайга на сотни километров без конца и края!..

Мы прошли в дом Виталия Степановича.

— Оля, принимай гостя, — крикнул он с порога.

На голос вышла высокая, красивая женщина в спортивном костюме.

— Проходите, мы всегда рады гостям.

— Это моя жена Ольга Григорьевна, есть еще дочка, она скоро придет, пошла к подружке посекретничать, — говорил он, садясь на стул у окна и закуривая. — Коля, а узелок свой положи вон в уголок пока. Да, Оля, это тот самый паренек, про которого я тебе вчера говорил.

— Я так и поняла, — сказала она, кивнув головой.

— Оля, ты собрала бы чего-нибудь на стол нам с Колей перекусить. Да, кстати, там у меня есть брюки с рубашкой, пусть Коля переоденется, а робу для работы оставь как сувенир, — сказал он, улыбаясь...

Переодевшись, я чувствовал себя необычно, легко, и

когда вошел в кухню, стол был уже накрыт, а Виталий Степанович ходил в майке и шлепанцах на босу ногу, взглянув на меня, сказал:

— Вот, совсем другое дело, парень как парень, садись за стол, будем кушать. Где эта коза ходит? — сказал он, имея в виду дочь. — Ну ладно, семеро одного не ждут!

Ели наваристые щи с мясом, макароны с мясом и жареные грибы. Конечно, после тюремной баланды было все вкусно необыкновенно! В дверь вошла девушка, таких же примерно лет, как и я.

— Приятного аппетита!

— Спасибо! — ответили все разом.

Ополоснув руки под умывальником, она села за стол, принялась есть, изредка поглядывая в мою сторону.

— Ну как там Лена, сдала или нет? — спросила Ольга Григорьевна.

— Нет, мама, не сдала, одного балла не добрала, представляешь, как обидно!

— Ну и ничего страшного, сдаст.

Мы вышли с Виталием Степановичем из-за стола, поблагодарив хозяйку, и сели на крыльце покурить, долго молчали, потом я сказал:

— Давайте посмотрю, что с машиной.

— Ну что же, пойдем, — сказал он, взяв ключи от гаража и машины.

Машина была, как новенькая, словно с конвейера, ни одной царапины, голубая, сверкала никелем! Я сел в кабину, запустил мотор, поработав минуту, он заглох. Я открыл капот, снял карбюратор, промыл в бензине, собрал и поставил на место, зачистил контакты в реле зажигания и, закрыв капот, сказал:

— Все готово, садитесь, Виталий Степанович, пробуйте. Он покачал головой:

— Силен, парень, однако! Нет уж, ты сам садись, я в нее года три не садился и побаиваюсь.

— Ну что же, тогда садитесь рядом, проедемся, — сказал я и завел мотор, он заработал тихо, ровно, почти не слышно, я плавно выехал за ворота.

Виталий Степанович сел рядом, и мы поехали... Выехали на окраину поселка.

— Так, Коля, давай вправо поворачивай, заедем в гараж,

посмотришь машину и завтра же приступишь к работе, — сказал Виталий Степанович. — Вон, видишь забор, заезжай прямо в ворота.

У ворот стоял часовой, увидел Виталия Степановича, приложил руку к пилотке, тот кивнул головой.

— Давай к тому дому, — он указал на кирпичный дом в глубине двора, мы остановились. — Подожди, я сейчас, — и вышел из машины.

Был он там довольно долго и вышел из дверей в сопровождении прапорщика, в руках он нес какие-то бумаги.

— Пошли, — кивнул он мне, я вышел и пошел за ним, пришли в гараж, он показал на машины. — Смотри, какую тебе?

Я окинул взглядом стоящие в ряд машины:

— Пожалуй, вон тот «ЗИЛ-130».

— Добро! — сказал прапорщик. — На ключи, завтра к восьми чтобы был в гараже, дежурный проводит до делянки, а там будешь ездить один, понял?

— Понял, — сказал я, не веря в удачу...

Обратно возвращались тихо, я просто наслаждался ездой, так как отвык, а для шоферюги отдых за баранкой.

— Хорошо, Коля, ты водишь машину, одно удовольствие, молодец, — сказал Виталий Степанович, закурив сигарету. — Закуривай! — он протянул сигарету.

— Спасибо, Виталий Степанович.

— Кури, небось отвык? Коля, у меня к тебе есть предложение, — сказал он. — Оставайся жить у нас, хочешь, живи в летней кухне, там у нас есть плита, кровать, а в зону возвращаться не советую, испортят там тебя эти «урки», да и какой ты работник после тюремной баланды, здесь нужен хороший харч и отдых соответственный!

— Да неудобно вас как-то стеснять, — пытался я отказаться.

— Ничего, не волнуйся об этом, — успокоил он меня. — Поближе познакомишься с дочкой, будете ходить в тайгу по грибы, и все со временем наладится!

Приехали мы домой, поставили машину на место, Виталий Степанович прямо с порога крикнул жене:

— Ну, мать, порядок, машина лучше новой! Нашел я «тульского левшу»!

— Ну и слава Богу, — сказала она, улыбаясь, — а то стоит мертвым грузом, садитесь кушать.

Сели за стол, у Виталия Степановича блестели глаза, и он потирал руки:

— Вот, Оленька, за полчаса и машина готова!

После ужина он проводил меня в летнюю кухню, ука- зал на кровать:

— Ложись, отдыхай, завтра тебе к восьми на работу, ты не волнуйся, я тебя разбужу!..

Койка была заправлена строго по-солдатски, в кухне было чисто побелено и прохладно, я разделся, лег, блажен- но растянувшись, и не заметил, как заснул. Утром он зашел, одетый в форму, и, перешагнув порог, сказал:

— Доброе утро, Коля, как спалось?

— Доброе утро, Виталий Степанович. Спал, как дома!

— Вот и хорошо, собирайся, да не суетись ты, до рабо- ты еще два с половиной часа. Это мне на построение надо раньше, — сказал он, закуривая, присев на табурет. — А тебе спешить некуда, позавтракаешь и пойдешь до гаража, здесь рукой подать.

Вчерашний часовой, что стоял на воротах, проводил меня до гаража, и я снова увидел того же прапорщика, он молча вручил накладную на вывоз леса с делянки и сказал солдату:

— Проводи его и обратно, на одной ноге, понял! Выез- жайте!

Я сел в кабину, и мы поехали, солдат показывал дорогу, а я запоминал каждую извилину и повороты. Приехав на делянку, мы с солдатом сели на штабель бревен, подошед- ший к нам бригадир взял накладную и, кивнув, сказал:

— Ждите, пока кран освободится, — и ушел.

— Ждать так ждать, — сказал я, развернул сверток с едой, который мне сунула на ходу Ольга Григорьевна, там лежала отварная курица, зеленый лук и хлеб, я разломил ку- рицу пополам, протянул половину солдату и ломоть хлеба. — Давай, рубай, за компанию.

— Да нет, не хочу.

— Ешь, брось ломаться, — сказал я.

Он снял фуражку и стал есть, тихо пережевывая мясо.

— Ты сам-то откуда? — спросил он, слегка «окая».

— Из Оренбургской области, а ты?

— Я-то вологодский, чать слышишь, говорок особен- ный...

Нас оборвал голос бригадира:

— Давай, братва, под эстакаду, не задерживай, быстрее!
Под эстакадой мы быстро загрузились и поехали обратно, я крутил баранку, солдат курил.

— Тебя как звать-то? — спросил он, посмотрев в мою сторону.

— Николай, а тебя?

Он усмехнулся весело:

— А меня, как всех котов в России, — Васькой!

Приехав в поселок, я остановился у ворот гаража, Василий вылез, протянул руку:

— Ну пока!

— Пока, — кивнул я и поехал к креозотному заводу, выгрузился и снова на делянку, и пошел накручивать километры на спидометре...

А вечером, вернувшись, умылся, Ольга Григорьевна вынесла полотенце и позвала кушать.

— Спасибо, — сказал я, — не хочется, устал с непривычки. Да и не знаю, как и чем с вами рассчитаюсь.

— Еще чего выдумал, глупости какие, — сказала она. — Вот придет Виталий, тогда с ним поужинаешь, а пока ложись, отдыхай...

Кончалось короткое сибирское лето, работа затягивала, я приходил усталый и сразу ложился... В один из таких вечеров зашла дочка Виталия Степановича, неся в руках кастрюльку с едой, тарелку с ложкой, в тарелке лежал хлеб и маленькая солониха. Молча все поставила на стол, также молча села на стоящий возле плиты табурет.

— Почему не пришел ужинать? — спросила она. — Садись ешь, а то мама забеспокоилась, не заболел ли ты?

— Да неудобно вас беспокоить, Марина.

— Смотрите, какие мы стали стеснительные! — улыбнулась она с легкой иронией. — Вот расскажу, узнает папа, он тебе такую трепку задаст! Ой, не завидую тебе...

— А ты не говори, — сказал я, заговорщицки подмигнув, — глядишь, и пролетит.

— Я-то не скажу, а вот мама-то обязательно доложит!

В тот вечер мы засиделись с ней, я возьми, дурак, да расскажи ей, за что сижу, что мать у меня инвалид первой группы, хромая, что есть сестренка, что живем не очень богато, отца нет, умер давно...

— Ну и дурак же ты, Коля, такой, каких свет не видывал! Почему папе не сказал, ведь ты же не виноват!

— А что теперь поделаешь, докажи теперь, что ты не верблюд, — сказал я с горечью...

Она так же тихо ушла, как и пришла, а я уснул. Утром постарался смыться пораньше, пока в доме спали, и уехал на делянку. А вечером, вернувшись, увидел, что Виталий Степанович рубит дрова, а из трубы бани тянет дымок... Я подошел, поздоровался, он разогнулся, протянул руку:

— Здорово, рабсила, как успехи? — Он воткнул топор в чурбак, сел и закурил.

— Да, вроде, ничего, — сказал я и начал дорубать дрова.

Виталий Степанович сидел на чурбаке и молча курил, я-то чувствовал, смотря в его сторону, что он не в духе.

«Не иначе, как Маринка проболталась, — подумал я, — вот чертова девка!..»

— Мыться будешь? — спросил он.

— В общем, можно, давно не мылся в такой баньке...

— То-то же, давно не мылся, а вот возьму вместо веника ремень да перепояшу разочка два вдоль поясницы. Что-бы мозги тебе, дураку, прочистить.

— А за что, Виталий Степанович? — спросил я, улыбаясь через силу.

— Ты, Николай, «шнурка» из себя не строй, я-то знаю о тебе все, больше, чем ты думаешь, да и опыта у меня побольше!..

После бани пили чай, ужинали, и мне пришлось рассказать по новой, как и что, все слушали внимательно, а Марина дополняла все, что я пропускал.

— Ну, что ты, Оля, думаешь, дурак он или придурковатый немного? — спросил Виталий Степанович, подперев рукой подбородок, потягивая папиросу.

— Разочарую вас, дорогие мои, — сказала Ольга Григорьевна. — Ни то, ни другое! Просто хороший и честный паренек к тому же.

— Вот тебе и хрен не слаще редьки, — развел руками Виталий Степанович и весело рассмеялся. — Вот тебе и третейский суд, вот уж воистину, как говорят: «Чужую беду рукой разведу, а на свою и ума не хватает!»

А через несколько дней, придя с работы, я заметил необычное оживление в доме, войдя в калитку, я увидел, что

сам Виталий Степанович сидит на ступеньках крыльца в майке и трико, курит, нервно потирает руки, лицо сосредоточенное, а женщины таскают из погреба соленья в банках, несут в дом, приодеты по-праздничному, с таинственно веселыми глазами...

Я присел рядом с Виталием Степановичем, он протянул руку и крепко пожал.

— Ну, как дела, Николай, на работе? — спросил он, как мне показалось, с грустью.

— Да вроде нормально, как всегда, — ответил я.

— Ну, раз все нормально, то марш в баню и за стол, понял?

— А что случилось? — спросил я несколько удивленно.

— Давай шутрее, а там узнаешь, — уклончиво ответил он.

Пока я мылся и переодевался во все чистое, думал, что же все-таки могло случиться, и поэтому что-то сосало под сердцем! Зайдя в дом, я увидел, что стол ломится от разной закуски, и все празднично разодеты, Ольга Григорьевна в новом платье, Марина тоже, Виталий Степанович в сорочке и галстуке. И меня как-то по-особому, торжественно усадили за стол. Хитровато глядя на меня, Марина вдруг взяла меня за руку и повела за собой.

— Пойдем, пойдем, — завела в спальню и сказала: — Ты пока переодевайся, а я выйду, — и указала на стул.

На спинке висел костюм и стояли красивые полуботинки, лежала сорочка, бежевый в полоску галстук-самовязка, я переоделся, взглянул на себя в зеркало и не узнал себя!.. И еще раз взглянув на себя, снял галстук, подумав, что он не очень идет мне, особенно к коротким волосам, поправил воротник, вышел к столу... Женщины все еще хлопотали у стола, расставляя тарелки, а на столе ко всему прочему прибавились бутылка водки и сухого вина.

— Ты садись, Коля, — сказал Виталий Степанович, — чего стоишь-то?

— Да что случилось, вы мне можете объяснить? — спросил я нетерпеливо.

— Еще немного и все узнаешь, Коля, самую малость, — улыбнувшись, сказал Виталий Степанович, — садись вот рядышком, давай покурим.

Марина ушла в соседнюю комнату, вернулась в белом шелковом платье, держа руки за спиной, подойдя ко мне, улыбнувшись, сказала:

— А ну вставай, пляши, тебе письмо!

— Мне письмо? От кого?

— От невесты! — рассмеялась Марина, отступая назад, блестя глазами.

— Да нет у меня невесты, разве что от мамы или сестры?

— Ой ли! Какие мы скромные!

— Брось, Марина, дурачиться, отдай письмо, — сказал я, почти разозлившись.

— Нет уж, фигушки! Спляши, тогда отдам!

Я начал неумело топтаться на месте, Марина же показывалась со смеху:

— Да, плясун из тебя никудышный, на уж письмо, дай только я тебя поцелую! — она чмокнула меня в щеку и протянула серый конверт.

Я сел, взглянул на адрес, там значилось: «Москва, Верховный Суд», я дрожащими руками разорвал угол, вынул лист бумаги, на котором было написано: «Гр-н Трофимов Николай Сергеевич освобождается из мест заключения досрочно, освобождается из-под стражи и может отбыть по месту жительства...» У меня что-то забулькало в горле, из глаз побежали слезы радости, и я, уже не стесняясь, заплакал!..

— Ну хватит разводить сырость, — сказал Виталий Степанович. — Давайте выпьем! — он похлопал по плечу меня. — Все хорошо, Коля.

Ольга Григорьевна тоже кончиком платка вытирала слезы, и у Марины влажно блестели глаза, Виталий Степанович разливал водку по рюмкам, молча посматривая на своих...

— А когда мне можно собираться? — спросил я дрожащим голосом.

— Ты, Коля, не торопись, обвыкнись немного к свободе, спокойно, — сказал Виталий Степанович. — А то наломаешь дров с непривычки, тайга, она ведь большая! — поднял стопку и со вздохом произнес как-то задумчиво: — Давай за тебя, Коля, за твое здоровье и, главное, за освобождение! И чтобы сюда больше не попадал!

— Нет, Виталий Степанович, даю слово, и спасибо вам всем за то, что спасли меня, — сказал я, волнуясь.

Все выпили и стали молча закусывать, у меня уже кружилась голова. Виталий Степанович, нацепив соленый груздь на вилку, спросил:

— А сколько лет твоей сестренке, Коля?

— Девятнадцать в этом году будет, — ответил я.

— Почти невеста! — улыбнулась Ольга Григорьевна.

Виталий Степанович закурил, протянул спичку мне:

— Прикуривай, — и обернулся к Марине. — Ты вот что, дочка, перебери свой гардероб и подбери его сестре платьев, все равно не носишь ведь!..

— Я и сама об этом подумала, — сказала Марина, улыбувшись.

— Да вы что, не возьму я! — почти выкрикнул я и замахал руками.

— А ты помолчи, Коля, когда с тобой старшие говорят, — сказала Ольга Григорьевна как никогда строго. — Помолчи!

— А я завтра займусь оформлением твоих документов, — сказал Виталий Степанович. — А ты тем временем пройди с Мариной по магазинам, купи что-нибудь матери в подарок. Завтра привезу твою сберкнижку, там кое-что накопилось, хватит на первое время на прожитие. Так что не дрейфь и будь человеком! А как только машина пойдет в город, я сразу же отправлю тебя до станции, возьмешь билет на поезд Красноярск—Новосибирск, а с Новосибирска на Москву и домой...

Долго мы бродили с Мариной в тот вечер по поселку, ходили в кино, потом долго сидели на крылечке, снова ходили по улице молча, словно предчувствие скорой разлуки лишило нас разговоров и слов, казалось, все слова осели где-то внутри и словно затаились, боясь вырваться наружу. Не знаю, о чем думала в этот момент Марина, сложив руки на груди, медленно переставляя ноги, нагнув голову, словно рассматривая каждую травинку, я же думал о своем, о свободе! И, конечно же, не спал всю ночь, бродил по своей комнате, не зажигая света, много курил, садился на кровать, долго смотрел в темное окно, ждал рассвета...

Наконец, на третий день Виталий Степанович принес документы, сберегательную книжку, все выложил на стол, присел на табурет.

— Ну вот, Коля, и все закончено, теперь ты свободный человек, завтра отправляйся с Мариной по магазинам, денег у тебя достаточно, купишь все, что нужно, и еще на прожитие останется. А на днях пойдет машина в Сосногорск,

— продолжал он, раскуривая очередную папиросу, — вот и поедем все провожать тебя, а пока отдыхай!

На другой день Марина, я и Ольга Григорьевна отправились в магазин, купили всякой женской мелочи, сложили все в чемодан, купленный здесь же, уложили все, едва закрыли замки и отправились домой.

— Теперь, я думаю, твоя мама останется довольна? — спросила Ольга Григорьевна и улыбнулась.

— Еще бы! — ответил я. — Конечно! И особенно сестренка.

— А как зовут твою сестренку? — спросила Марина.

— Варей, — ответил я.

— Хорошее имя, чисто русское, — улыбнулась Ольга Григорьевна, — и девушка, видно, хорошая?

— Да как сказать, не из красивых, но добрая, — сказал я.

А вечером снова собрались все и устроили прощальный ужин, варили пельмени, ели грибы соленные, Виталий Степанович, пережевывая пельмень, сказал:

— Ну как, Коля, все закупили?

— Да, вроде, спасибо Ольге Григорьевне и Марине, помогли.

— Так, завтра поедем на вокзал, посадим тебя на поезд, и езжай до дома, — сказал он, раскуривая папиросу, и встал из-за стола, — поедем на нашей машине, туда поедешь ты, а я оттуда...

Вечером следующего дня мы выехали из поселка, миновав зону, поехали по дороге на станцию, до станции было около ста пятидесяти километров, которые мы проехали довольно быстро, и остановились на небольшой привокзальной площади. Виталий Степанович с Ольгой Григорьевной зашли в здание вокзала, а я, взяв чемодан и баул, с Мариной вышел на перрон, вскоре туда же пришли и Виталий Степанович с Ольгой Григорьевной, в руках у него был билет:

— Итак, Коля, поедешь в шестом вагоне, восьмое купе, до самой Москвы, — протянул билет, я взял и протянул деньги. — Не глупи, тебе в дороге пригодятся.

Мимо прогрохотал поезд, начал замедлять ход и остановился, на ступеньку сошла проводница в черном берете с кокардой, мы подошли к вагону, я протянул билет.

— Проходите, ваше восьмое купе...

Мы прошли в купе, уложили вещи под нижнюю полку и вышли в тамбур, Виталий Степанович обнял меня за плечи:

— Ну что же, Коля, давай прощаться, будь здоров и всего тебе хорошего в жизни!

— Ольга Григорьевна, спасибо вам, вам всем за все! — сказал я.

— Да не за что, Коля, сынок, — сказала она и, обняв за плечи, поцеловала в щеку. — Передавай от нас маме и сестренке большой привет!

— Обязательно передам, — сказал я, и в глазах почему-то защипало.

Они спустились на землю и пошли, а мы с Мариной продолжали стоять в тамбуре и улыбались друг другу.

— Коля, возьми меня с собой, — неожиданно сказала она, став вдруг серьезной.

— Да ты что, Марина, с ума сошла? — опешил я. — А родители что скажут? — спросил я.

— Эх ты, дурачок неразумный, ничего-то ты не понял, — сказала она, поцеловала в щеку и спрыгнула на землю. — А на досуге все-таки подумай, — махнув рукой, крикнула она.

Поезд медленно тронулся и стал набирать ход, колеса дробно застучали на стыках... Трое суток я добирался до дома, а на четвертые приехал в свой «Холодный Ключ».

Иду я от остановки, смотрю, идет моя мама от колонки и несет на коромысле воду. Все во мне окаменело, словно кто по ногам ударил обухом, не могу шагнуть и все тут!.. Шел я за ней потихоньку и видел, как она постарела за это время; дойдя до соседнего дома, она остановилась с соседкой, опершись на коромысло, я сел сзади на чемодан и приложил палец к губам, тетя Дуся открыла было рот от удивления, но, видно, быстро спохватилась и увела мать в дом, шла позади, как бы загораживая меня.

Я быстро взял ведра, отнес к дому и вернулся за чемоданом и баулом, также быстро вернулся, занес все во двор, нашел ключ над дверью, занес воду в сенцы, чемодан оставил там же и вышел, на лавочку сел, закурил...

Увидел издали, как мать шла, опираясь на коромысло, как на батожок, шла быстро, глядя себе под ноги. Поравнявшись с лавочкой и взглянув на меня, на миг замерла и, осенив себя крестным знаменем, прошептала:

— Святые Боже! Коля, сынок, ты ли это? Живой и здоровый, слава тебе, Господи!

Я усадил ее рядом на лавочку, обнял за плечи.

— Живой, мать, и, как видишь, здоровый, — сказал я.

Она сидела, как-то сжавшись в комочек, и вытирала слезы снятым с головы платком, а они все бежали по впалым щекам!..

— Ну, а вы-то как здесь живете? — спросил я.

— Известно, сынок, как видишь, избу-то пообмыло, а мазать уж не могу! Сил уже нету, старая стала!..

— Ну, а Варя что, не может помазать?

— Так она с темна до темна на работе: и дояркой, и телятницей, ведь все пообносилось, в одном платишке, видишь.

— Ладно, мама, все исправим, и избу помажу, и платья будут, не горюй.

— Да где же такие деньги взять-то, сынок? А мне тебя и кормить нечем, кроме как щами, сынок!

— Да все у меня есть, мама, не волнуйся, пойдем домой!

— А и правда, что же мы тут сидим, пойдем, сынок!

Зашли домой, здесь все было по-старому, только разве половичок у порога да занавески другие, лимонного цвета, и скатерть на столе другая... Занес чемодан и баул, положил тихо на стол, мать стояла рядом и смотрела во все глаза. Вынул банки консервов, бутылку водки, четыре пачки денег.

— Это тебе, мама, на первое время, — и протянул пачки с деньгами. — Это тоже тебе, — и стал вынимать платья, пальто, чулки, полушалку набросил на плечи, — а это пуховая шаль, носи на здоровье! А это все Варе, — похлопал я по баулу. — Все ей привез. Это все дочка начальника лагеря прислала, я у них жил последнее время, хорошие люди, мама! Даже досрочно освобожден с помощью начальника, вот так-то, мама!

Она по-прежнему сидела у стола, держа деньги в руках:

— Ну а деньги, сынок?

— А деньги, мама, я заработал, кстати, вот еще и сберегательная книжка есть, на ней тоже немного денег...

Положив деньги в комод, она пошла к плите и поставила кастрюлю со щами.

— Ты уж прости, сынок, кроме щей у нас ничего и нет...

— Э! Мама, ты не представляешь, что такое тюремная баланда. Щи покажутся райской пищей!

Мать сняла с плиты кастрюлю, поставила на стол, вынула половником мясо в тарелку, разлила щи по тарелкам, я открыл бутылку водки:

— Ну давай, мама, со встречей!

— Давай, сынок, слава Богу, вернулся живой, здоровый!

Стали молча есть, я ломал хлеб и смотрел на комнату.

— Эх, мама, как я соскучился по домашней еде, налей-ка еще половничек.

— Давай, давай, сынок, на здоровье! Сейчас уж Варя должна прибежать с работы, вот рада будет!

Долго еще мы говорили с мамой, сидя за столом, мама вела разговор вокруг деревенских буден: кто построил новую баньку, у кого старую корову заменили на молодую телочку, но никогда не касалась жизни людей, боялась судить о людях плохо...

Я встал из-за стола и стал прохаживаться по комнате, вглядывался в старые вещи и портрет отца, висевший на стене, как бы заново вживаясь во все, и слушал рассказ матери. Взглянув в окно, я увидел, как во двор вошла моя сестренка Варя, это уже была не хрупкий подросток-девчонка, а настоящая девушка, серо-голубые глаза, чуть раскосые, шестимесячные кудряшки и пухлые губы, чуть тронутые помадой.

— Вот коза, уже губы красит! — вырвалось невольно у меня.

— Кто губы красит? — переспросила мать удивленно.

— Кто, конечно, не я, а Варя, — сказал я и замолк.

Открылась дверь, и, разбежавшись с порога, Варя бросилась мне на шею, крепко обняла, поджав ноги, и радостно завизжала:

— Братик Коля, приехал!..

Я крутнул ее раз, другой, чувствуя, как слезы снова подкатились к горлу.

— Ну хватит телячьих нежностей, — сказал я и посадил ее на стул, отошел к столу.

— Ой! Какой ты стал здоровый, высокий, красивый, просто чудо!

— Да и тебя Бог не обидел, девка стала, что надо! Так что жаловаться грех!..

Она встала, ополоснула руки у умывальника, вытерла полотенцем и подошла к комоду, стала рассматривать платья, лежащие на нем.

— Это что, все мне?!

— Нет, это маме, а тебе вон целый баул привез, — указал я рукой.

— Ой, мамочка, какой ты молодец! А можно я посмотрю? — Она стала выкладывать платья на кровать, прижимая их к груди. — Ой! Какие красивые!.. Комбинация ажурная и трусики тоже! Откуда же ты узнал мой размер? Даже бюстгальтер и то узнал!

— Да не я покупал все это, а дочка начальника лагеря Марина и его жена Ольга Григорьевна купили. Я у них жил последнее время.

— Ой! Спасибо им. Я им обязательно напишу письмо, поблагодарю. А Марина не твоя ли невеста?

— Насчет невесты не знаю пока, просто хорошие друзья!

— Все ясенько с тобой, дорогой братик! А фото хотя бы есть?

— Есть, конечно. — Я достал из блокнота фото.

— Ох ты! Красивая какая!

Мать тем временем поставила на стол жареную картошку и, вытерев руки о фартук, протянула руку:

— Дай-ка погляжу свою сноху, ну-ка. Коля, уж больно красивая, не для нас!

— Зря ты так, мама, они люди очень простые и хорошие, если б не они, я бы до сих пор сидел, что называется от звонка до звонка!

— Ну, если так, то дай-то Бог, сынок! — сказала мать с робостью.

— А как ты живешь, сестренка? — спросил я, глядя на нее.

— Как все, так и я, — ответила она, цепляя на вилку картошку.

— Ну а замуж не собираешься?

— Собираюсь, — сказала она, слегка краснея, и опустила глаза.

— Так, и за кого, если не секрет? — спросил я, закуривая.

— За Серегу Карасева!..

— Погоди, это не тот ли соложонок?!

— Угу! К твоему сведению, этот соложонок отслужил в ВДВ!

— Ого! Извини, отстал я, выходит, от жизни, — удивленно сказал я.

— Вот видишь, брату сказала, а матери ни-ни! — с обидой в голосе сказала мать.

— А что, мама, зря говорить, ведь это еще не скоро будет, — сказала Варвара, собирая тарелки со стола, и начала мыть...

— Так, мать, не зря, значит, деньги привез, пригодятся, — сказал я и достал из кармана еще пачку денег и положил перед Варварой. — Это тебе на карманные расходы, бери, чего смотришь!

— Мне? Да я за год столько не заработаю!..

— Не знаю, сколько ты зарабатываешь за год, а я за месяц получил, а на свадьбу еще сниму с книжки. Только давай договоримся, сестренка, надо будет обмазать дом, а то, знаешь, неудобно как-то получится, жениха в облупленную хату приведешь!

— А когда, Коля?

— А это решай сама, мне хотя бы завтра, — сказал я.

— Хорошо, давай завтра, — быстро согласилась она и чмокнула меня в щеку, — спасибо тебе!..

Наутро у нас с Варей закипела работа, я месил глину, мешая ее с опилками, а Варя клала ее в ведро, мазала дом. Изредка мы делали перекур, она садилась на опрокинутое ведро и очищала руки от глины, я закуривал сигарету, осматривал двор.

— Ты что-то, Коля, стал молчаливый? — спросила Варя, поглядывая на меня.

— А я и сам не знаю, Варя. Не могу никак привыкнуть к свободе, словно что-то внутри закаменело!..

— Это и без слов понятно, что там, где ты побывал, не мед, — задумчиво, со вздохом сказала Варя, обшелушивая руки.

А тем временем за нашей калиткой остановился «уазик» председателя, он вылез из машины, огляделся — это был высокий мужчина, седовласый, у него не было левой руки, рукав аккуратно был заправлен за ремень гимнастерки. Открыв калитку, он направился к нам уверенной походкой.

— А я еду и смотрю, вроде хозяин в доме появился, — говорил он, добродушно улыбаясь. — С приездом, Коля, с возвращением в родные края.

Мы крепко пожали друг другу руки. Присели на ступеньки крыльца.

— Давно приехал, Коля?

— Да нет, только вчера, — ответил я.

— Вот и хорошо, — сказал он, доставая сигарету, я протянул ему спичку и закурил сам, он с нескрываемым интересом рассматривал меня. — А я решил, раз Магомед не идет к горе, должна гора идти к Магомеду! Коля, у меня есть к тебе предложение: пойдешь к нам шофером? Дадим новую машину, будешь возить бригадира. Как, согласен?

— Конечно, согласен!..

— Тогда по рукам, — он протянул руку, — ну вот и ладно. Тогда завтра придешь в правление, напишешь заявление и будешь работать, а пока недельку-другую отдохни, приди в себя...

— Спасибо, Николай Иванович, большое вам! — я пожал его руку.

— Ну, будьте здоровы, всего вам, — сказал он, вставая, — пока!

Утром я отправился в правление, долго говорили с председателем. Он протянул мне два листа бумаги и ручку:

— Пиши два заявления: одно на работу, второе — на шифер, доски, надо же тебе крышу подлатать, пол перебрать...

Взглянув в окно, он сказал:

— А вот и бригадир идет, легок на помине, он у нас человек новый, с «Новоселок» приехал, я думаю, вы с ним договоритесь.

Вошел бригадир, примерно моих лет плотный парень, голубоглазый, улыбчивый.

— Ты, Сергей Сергеевич, как всегда вовремя, здравствуй! А мы только-только о тебе речь вели, — сказал председатель.

— Здравствуйте! — сказал Сергей, пожимая руки.

— Вот, Сережа, знакомься, это твой новый шофер Николай, наш доморощенный, сельский, человек надежный, не подведет!

— Слава Богу, — как бы облегченно вздохнул он, — а когда на работу?

— Ты, Сергей, погоди быка брать за рога, пусть человек отдохнет, он только вчера приехал, дай осмотреться, да и дома кое-что надо сделать, — сказал председатель...

— Конечно, конечно, я об этом не подумал, — сказал Сергей...

Николай закурил, посмотрел на меня:

— Вот с тех пор и кручу баранку десять лет. Не утомил я тебя своим рассказом, Владик? — спросил он.

— Что ты, Коля, нет-нет, просто заинтриговал, даже интересно.

— Ну ладно, поехали, — сказал он, — а то Эля нас с тобой как следует отругает!

Мы поехали в обратный путь, мотор урчал тихо и монотонно, ехали молча, пока мое любопытство не взяло верх, и я спросил:

— А что же дальше, Коля?

— А дальше Варя вышла замуж, а через год приехала и Марина, и мы тоже поженились, родила она мне сына, а потом и дочку, вот, собственно, и все.

— Да, Коля, ты дал мне пищу для размышления, — сказал я, закуривая.

Мы подъехали к дому Эли, на дверях еще висел замок.

— Да, угадали мы с тобой, ее еще и нет дома, — сказал Коля, улыбаясь.

Я вышел из машины, а Коля взял сумку, дошел до крыльца:

— Ну, теперь жди, а я поехал, — сказал он, пожимая руку. — До завтра!

Владик сел на крыльцо, посмотрел вслед уходящей машине. Не спеша достал ручку и блокнот и стал писать, воспроизводя разговор по памяти. Написав несколько страниц блокнота, он оторвал взгляд от бумаги и увидел бегущую к дому Элю в легком льняном платье с хозяйственной сумкой в руке.

— Ну, ты, наверное, заждался? Я не думала, что вы так быстро вернетесь, вот и решила по магазинам пробежаться. Вот, твоей маме кое-что кушила, хотя и не знаю, но вот комбинацию, платок...

— Ну зачем, Эля, не возьму я ничего!

— Нет, возьмишь, иначе обижусь, понял!

— Понять-то я понял, но что я скажу?

— Просто скажешь, подарок, ну от знакомых.

— Ну что же, ладно, спасибо. Эля, а ты ко мне приедешь? — спросил Владик, глядя на Элю.

— Не знаю, Владик, обещать не могу пока. Да и в качестве кого приеду? — глядя на него, спросила она.

— Ты же сама сказала: в качестве знакомой! Да и сама сказала, что у нас кто-то должен быть!

Она рассмеялась, подперев подбородок рукой, рассмеялась, как ему показалось, с чувством неопределенной грусти.

— Чудак ты мой, это же не сразу получается. Возможно, и ничего не будет. Это же выносить, выстрадать надо! А теперь пошли кушать, — она поднялась, открыла дверь, и они прошли в зал. — Сегодня я накормлю тебя украинским борщом, как-никак я наполовину украинка. Мамины родители жили в Полтаве. Не знаем, живы они или нет? Говорят кое-кто, погибли в войну, а кто-то — живы.

Они ели борщ и тихо говорили. После обеда она гладила простыни, а Владик писал за ее письменным столом в спальне.

Через пятнадцать дней Владик уехал с тем же поездом, унося светлый образ Эли с собой...

Глава 7. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Минуло полтора года, в жизни Владика свершилось столько горьких и тяжелых событий, что они надломили в нем все, и он надолго ушел в себя и, казалось, замкнул душу наглухо, не оставив в ней отдушин.

После неожиданной скоростной смерти матери он стал проводить время в кафе за бутылкой вина и за дешевым обедом и ужином, оставляя пару помятых пятерок под тарелкой, покидая кафе. Его принимали как завсегдатая, поэтому на него уже не обращали внимания. Возвращался поздно вечером, когда город затихал на какое-то мгновение, и лучи фар машины выхватывали из темноты идущих одиноких прохожих.

Вел машину тихо, не переключая скорости. Подъехав к дому, ставил машину, заглядывал в почтовый ящик, где лежало Элино письмо. Заходил домой, садился на кухне и читал короткое Элино письмо. Оно было очень коротким и состояло из двух—трех вопросов, последний звучал, как мольба:

«Родной, Бога ради сообщи, что с тобой стряслось, и пиши почаще, ладно? Целую, твоя Элюшка!»

Из зала вышла заспанная двоюродная сестра Люба, полная, в помятой сорочке, и спросила:

— Есть будешь?

Он ответил кратко:

— Нет, я уже поел.

И пошел в спальню, услышав вслед:

— Что, не нравится, как готовлю? Тогда я уеду, как хочешь, живи.

Уже залезая под одеяло, ответил:

— Я, собственно, не гоню, да и держать не могу. Ведь говорят, вольному — воля, а спасенному — рай.

Через день сестра уехала, попрощавшись сухо, почти молча.

Просидев на кладбище у могилы любимой мамы почти целый день, со стоящим в горле комком, не вытирая слез, сел в машину и поехал в редакцию, молча положил на стол редактора заявление на отпуск.

— Садись, — указал редактор на стул, поставил подпись. — Надо отдохнуть после такого стресса. Двух месяцев хватит, Владислав?

— Вполне.

— Ну что же, счастливо тебе!

— Спасибо!

По давней привычке зашел в тихое кафе, сел за столик, закурил, глядя в никуда. Подошла Марина, официантка:

— Ну, что будем заказывать?

— Как обычно — бутылку вермута и пельменей.

— А может, без вермута? — вздохнула Марина. — Сопьешься ведь.

Марина принесла тарелку и все остальное. Владик протянул деньги:

— На, возьми, а то забуду.

Он вяло ел и не смотрел по сторонам, и вдруг его окликнули:

— Владик, ты, что ли, старина?

Он оглянулся — к его столу шел Николай, подойдя, протянул руку:

— Здравствуй, сколько лет, сколько зим!

— А, Николай, здравствуй! — обрадовался Владик, глаза живо блеснули.

— А ты что-то небритый, усталый?!

— Маму я похоронил, Коля. Да ты садись, Коля, выпьем.

— Да здесь не один я, вон тетя Маша и Володя.

Владик оглянувшись, к столу шла тетя Маша с крепким парнем, который нес две бутылки газированной воды. Подойдя к столу, тетя Маша обняла за плечи Владика, поцеловала в щеки трижды:

— Ну, как живешь, сынок? — участливо спросила она.

— Неважно, тетя Маша, похоронил маму, тяжело на душе.

— Да уж, не позавидуешь. Так, давай переезжай к Эле.

Он долго молчал, наконец произнес задумчиво:

— Зачем? Быть ей обузой не хочется!

Николай ел беляш и слушал, потом произнес возмущенно:

— Ну и дурак! Видели такого?! Да у вас с Элей... — он не договорил, запнувшись, так как тетя Маша толкнула его ногой под столом.

— Что у нас с Элей? Договаривай.

— Ну, любовь, вроде, как-никак! И зачем в душу плевать?

Владик закурил, задумчиво сказал:

— Да я не плюю, Коля, да и меня пойми. Короче, тетя Маша, Коля, Володя, поехали ко мне, там поговорим.

— Правильно, поехали, — сказала она.

Коля с Володей пошли к машине.

— Идем, садись, — позвал Владика Николай.

— Я на своей, езжайте за мной.

Приехав домой, провел гостей в дом:

— Проходите в мой терем! Проходи, тетя Маша, будь хозяйкой, в холодильнике мясо, в банке мука, сооруди нам пельмени, если нетрудно.

Коля с Володей возились у его машины, звеня ключами. Он устало присел у стола, глядя, как тетя Маша месит тесто. Руки ее быстрые были похожи на руки матери, и Владик с болью смотрел на них.

— Хорошо вы жили с мамой, сынок, и домик уютный, но ты не горюй, все мы смертные, что же поделаешь. Хорошо, что ты Элю встретил, как она переживает о тебе, что же так редко пишешь ей?

— Кстати, тетя Маша, как она живет? Коля что-то начал и не договорил, что-нибудь случилось?

— Да ничего серьезного, слава Богу! Немного приболела.

— А что с ней?

— Да известное дело у нас, баб-то, по-женски, воспаление, — сама говорила, вроде улыбаясь, но опустив глаза, и он понял, что что-то не так, не договаривает. — Вот возьмешь отпуск и приедешь.

— Я уже взял, — сказал Владик. — С сегодняшнего дня вольный казак!

— Ну вот видишь, как хорошо. Вот завтра и езжай с ребятами, они оба шофера, что тебе в тоску вдаваться одному!

— Все это правильно, тетя Маша, но ты что-то не договариваешь?

Она весело рассмеялась:

— Да ты что, сынок, правда, все хорошо, а приболела, да с кем не бывает! Ты посмотри, чтобы пельмени не «убежали», а я пойду ребят позову.

Вошли Николай и Володя со свертком в руке. Владик тем временем расстелил скатерть на столе, достал из этажерки тарелки, рюмки и вилки.

— Ну вот, кажется, все готово, — удовлетворенно сказал он, — проходите сюда, Коля, Володя, не стесняйтесь.

Вошла тетя Маша, поправляя волосы, взяла кастрюлю и понесла в зал. Уселись за стол. Ребята достали водку из свертка, поставили на стол.

— Ну все, давайте кушать, раскладывай, тетя Маша, пельмени — будь хозяйкой, — сказал Владик. — Мама, покойница, всегда была рада гостям.

— Ладно, сынок, не расстраивайся, — говорила тетя Маша, ставя перед ним тарелку.

Николай, осмотрев комнату, сказал:

— А что, жить можно!

Тетя Маша, взглянув на настенный портрет матери и отца, кивнула Владиду:

— А это твои родители?

— Да, — кивнул он, — мои!

— Симпатичные, ну пусть им обоим земля будет пухом! — произнесла тетя Маша.

Ели молча, сохраняя истинно русскую традицию поминовения по усопшим. Тетя Маша поднялась первой.

— Спасибо хозяину за угощение и вечный покой его близким, — и осенила себя крестным знамением.

— Спасибо и тебе, тетя Маша, что приготовила, — по-

благодарил Владик. — Угощение, правда, не особое, но чем богат, тем и рад!

— А чего же еще надо, все хорошо, — сказала тетя Маша. — Да, Коля, я-то завтра пойду в больницу, а вы поедете, захватите этот сверток Эле, — сказала она и достала из большой сумки матерчатый сверток, — а ты уж, Владик, сам передай, да не говори от кого, а то она как-то говорила, что надо купить, а вчера мне подвернулось под руку.

— Так ты, Владик, что, едешь с нами? — удивленно спросил Николай.

— Выходит, что еду с вами, — сказал Владик закуривая.

— Вот здорово! Как Эля будет рада, ты не представляешь! А ты совсем или в отпуск?

— Не знаю, Коля, — сказал задумчиво Владик, — на месте решим с Элей.

Поднявшись утром, он не застал тетю Машу в постели, а ребят увидел, спящих на веранде на пальто. Умывшись тихо, чтобы не разбудить ребят, зашел в зал, побрился, постоял у раскрытого окна. Солнце едва освещало соседние крыши, легкий ветерок шевелил листья больших тополей у домов напротив.

Достав из-под кровати два больших чемодана, уложил свои вещи, снял со слезами на глазах две фотографии со стены, уложил в чемодан, проглотив тугой комок в горле, сел писать записку двоюродной сестре:

«Дорогие мои, я уезжаю! Возможно, совсем из города, с домом решайте сами вопрос, доверяю вам. Ну а один жить не могу больше. Возможно, напишу с места. До свидания. Владик».

Положив записку на столе под пепельницу, долго сидел, положив голову на скрещенные пальцы рук.

На спидометре «Запорожца» разматывалась третья сотня километров, когда Владик нажал на тормоз, прижался к обочине под тень высоких сосен, повернул ключ зажигания, мотор стих. Шедший позади юркий «уазик» остановился чуть впереди, из кабины вылез Николай. Подошел к машине Владика, а тот, откинувшись на спинку сиденья, сжимал и разжимал затекшие пальцы...

— Что, устал? — спросил Николай.

— Конечно, Николай, все-таки открутил баранкой три сотни километров, вот прихватила пальцы судорога.

— Так какого же черта ты молчал! — с упреком сказал Николай. — Вот человек! Двигайся, я сам сяду за руль, надеюсь, доверишь?

— Ну а почему нет, садись, езжай.

— Вот давно бы так! — Он приоткрыл дверцу и крикнул: — Володя, давай двигай потихоньку, а мы догоним.

— А зачем, Николай, поедem вместе, — сказал Володя, подходя к машине.

— Ну ладно, — согласился Николай, открыв дверцу машины. — Давайте покурим, отдохнем...

Примерно через полчаса машины плавно тронулись и снова стали наматывать километр за километром.

— Нам осталось проехать сто тридцать километров, — сказал Николай, взглянув на часы, — часа через полтора будем дома. Вот это сюрприз для Эли будет, она ведь ничего не знает! Мы же в город-то за машиной ездили, видишь, новенькая впереди идет, даже без номеров!

— А я, честно, не заметил, — сказал Владик.

— Вот, получили для колхоза, — закуривая, сказал Николай.

— А твоя где?

— А моя бежит, она тоже новая, а эту вот вторую получили.

Владик затянулся сигаретой и, взглянув на Николая, спросил:

— А все-таки, Коля, как Эля, что с ней? Так и не сказал. Что-то ты темнишь.

— А что Эля? С ней все в порядке. Ну немного приболела, что-то там по-женски, но все миновало, что-то, воспаление, вроде, было, ушла на другую работу после этого.

— Так она, что, учительницей не работает больше? — спросил совсем удивленный Владик.

— Э, друг! Да ты от жизни отстал. Она уже больше года в детском саду заведует. Да и времени у нее больше стало... — он как бы споткнулся на этой фразе, рассмеялся. — Придешь, все новости узнаешь!

У Владика защемило почему-то сердце, предчувствие чего-то не покидало его... «Уж не вышла ли она замуж, — подумал он. — Тогда за каким чертом Николай везет меня туда? Он бы сразу сказал. Что-то не ясно, загадочно все».

Дорога шла вдоль железнодорожной насыпи, и проходящие мимо поезда глушили звук мотора машины, и тогда казалось, что машина зависала в воздухе, только шлейф пыли сзади говорил о ее движении. Миновав переезд, они выехали на асфальт и пошли на юго-запад. Мелькали перелески, рощицы, села, поселки.

Николай молчал и думал о том, как бы не сорвалось с языка главное, о чем надо молчать! Об этом просила тетя Маша, увидев Владика в кафе, обросшего и усталого, да и Эля просила не говорить. Снова полотно железнодорожной линии, сделав изгиб, вплотную примкнуло к шоссе и стало похоже на извилистую змейку.

— Ну вот и наши места начались, — вздохнул Николай, — еще полста километров — и мы дома!

И действительно, вскоре показался крохотный теремок вокзала и указатель «Холодный Ключ». А вот уже и водонапорная башня и знакомая, чуть забытая дорога. У Владика почему-то стало часто биться сердце, словно ему страшно хотелось вырваться куда-то! Туда, навстречу Эле, Элюшке! Помимо его воли, вопреки его мыслям! Шедший впереди «уазик» притормозил. Николай тоже нажал на тормоз. Вышедший из кабины Володя закурил, прикрывая спичку рукой, подошел и остановился у открытой двери «Запорожца».

— Лихо вы, братцы, жмете!

— Нормально, отличная машина у тебя, Владик, молодец. Жених с приданным, — улыбнулся Николай, озорно подмигнув. — Вот Эле Николаевне сюрприз, ахнет!

— Так, Коля, куда мне ехать: в гараж или с вами?

— Конечно, с нами, но надо заехать в магазин вначале, обмыть приезд, но это отложим на вечер, пусть у них с Элей пройдут шоки, охи, вздохи! — Он кивнул в сторону Владика. — Как ты, не против?

— Да вы что, друзья, конечно же, буду рад, спасибо вам, братцы! Выручили меня здорово! — Владик пожал лежащую на руле руку Николая.

— Ну ладно, расчувствовался. Посмотрим, что с тобой будет, когда встретишься с Элей. Ну ладно, поехали, — сказал Николай и тронул машину, объезжая «уазик».

Подъехали тихо к магазину, Володя зашел, вынес три бутылки водки, во второй руке нес буханку хлеба и банку кильки в томате, сел в кабину, закурил.

— Поехали? — спросил Коля.

Володя кивнул. Машины тронулись одновременно. «Уазик» бежал впереди, Коля тихо ехал сзади...

А вот и знакомый дом с зеленой оградой, и Эля на ступеньках чего-то стирала в тазу. На веревках висели маленькие простыни, три штуки. Эля не обратила внимания на остановившиеся машины и продолжала стирать. Коля тихо вышел из машины, подошел к калитке, взялся за ручку.

— Эля Николаевна! Плохо гостей встречаешь, — окликнул он.

Эля обернулась, всплеснув руками, и побежала к калитке, на ходу отбрасывая волосы рукой.

— Господи Боже ты мой! Откуда вы? Конечно же, не ждала, — она чмокнула Колю в щеку. — Здравствуй!

— Ты, Эля, не очень-то целуйся, а то муж заревнует!

— А где он? Боже ты мой!

— А вон прибыл на своей машине, уже пересел за руль!

Она настежь распахнула калитку и, легко раскинув руки, побежала к машине. Подбежала к распахнутой дверке.

— Родной мой! Милый, здравствуй! — Она целовала его впалые, худые, небритые щеки, из счастливых сверкающих глаз бежали слезы!

— Ну хватит целоваться. Скажи, Эля, куда его чемоданы нести? — спросил подошедший Коля.

— Господи! Конечно, неси в комнату, куда же еще!

Коля вытащил из машины чемоданы и аккордеон Владика и понес в дом... Владик распахнул дверцу машины:

— Садись, Эля, показывай, куда ставить машину, ты — хозяйка!

Эля села рядом, снова крепко поцеловав его в губы, смахивая пальцами вновь набежавшие слезы:

— Как хорошо, что ты приехал, Владик, просто не верится!

Владик завел мотор и тихо тронулся, въезжая в открытые ворота.

— Ставь прямо под навес, вон туда, — указала Эля рукой.

Владик въехал задним ходом под навес, заглушил мотор.

— Ну вот и все, приехал, — произнес он со вздохом.

— А ты как: в отпуск или совсем? — спросил Эля, вопросительно глядя в его глаза.

— Ну, если примешь, то совсем, зачем бы я сюда ехал полтысячи километров?! Пойми сама.

— Ну, конечно, приму, родной ты мой! — она снова обняла его, прижавшись лицом к щеке. — Как хорошо, молодец, что так решил.

— Да, Эля, вон на заднем сиденье узелок, тетя Маша просила передать тебе, но просила не говорить от кого. Что-то все овееяно тайной, и Коля не договаривает чего-то, — сказал Владик.

Эля взяла сверток, прижав к груди, прикрыв дверцу, заглянула в машину и загадочно произнесла:

— А это наш общий сюрприз для тебя, — и пошла к стоящим во дворе Володе и Николаю.

Владик тем временем закрывал стекла и дверцы машины. Николай спросил подошедшую Элю:

— Ну как встретились?

— Да все, вроде, хорошо, — улыбнулась она.

После паузы Николай задумчиво произнес:

— Хорошо-то, хорошо, да не очень — он ведь полгода назад похоронил мать!

Эля от неожиданности выронила узел из рук и, чтобы не вскрикнуть, прикрыла рот руками, глядя на него широко раскрытыми от ужаса глазами. Николай поднял узел, подал ей:

— Так что не расспрашивай его ни о чем, не давай пока вида, сам скажет. Ну, мы поехали, вечером придем, надо обмыть приезд, пусть мужик отойдет, — сказал Николай и направился к калитке.

— Спасибо, ребята, приходите вечером, — крикнула Эля вслед.

Положив узел на ступеньку, пошла навстречу идущему Владику и, взяв его за локоть, шла молча рядом. Дойдя до крыльца, Владик хотел сесть на ступеньку, но Эля решительно, но мягко сказала:

— Нет, нет, ты устал, идем домой, приляг, а там тебя еще сюрприз ждет, ты только не волнуйся!

Вошли в зал, все здесь было по-прежнему, все на месте, только спальня Эли была занавешена длинной цветастой занавеской.

— Садись на диван, раздевайся, снимай пиджак, — почему-то шепотом говорила Эля.

— Да что происходит? — вполголоса спросил Владик. — Скажи, наконец.

— Сейчас узнаешь, — сказала Эля и скрылась за занавеской.

веской в спальне. Оттуда вышла с маленьким спеленатым свертком в руках, осторожно ступая ногами. — А вот и мы с дочкой пришли!

Владик сидел оторопевший и бледный, не в силах произнести что-либо.

— А вот и папа, дочку сейчас увидит!

— У тебя дочь? — удивленно спросил он.

— Не у меня, а у нас с тобой, — говорила Эля, нежно улыбаясь ему, покачивая малышку.

— Сколько ей? — спросил он, наконец придя в себя.

— Нам ровно пять месяцев, семь дней и шесть часов! — Она приподняла уголок простынки, придвинувшись к нему, и показала крохотное личико маленького существа, спокойно спавшего и ничего еще не понимающего.

— Как назвала дочку?

— Настенькой, в честь твоей мамы.

— Нет, Эля, у меня больше мамы, похоронил я ее, — сказал он дрогнувшим голосом.

— Знаю, Коля сказал, — произнесла Эля, и по ее лицу прошла тень. — Но ты не волнуйся. Жаль, что мы не знали, я бы приехала с мамой. Ведь ты даже не написал.

— Прости, Эля, не до того было!

— А смотри, как на тебя похожа, вылитый папка, и носик, и ямочки на щеках, а проснется, откроет глазки, а они зелененькие, папины, — говорила, нежно глядя на дочь, Эля. — На, поддержи свое создание.

— Боюсь я, Эля, вдруг что сломаю.

— Не бойся, вот так, одну руку под спинку, второй обхвати ножки, головку повыше. Вот как они с папой хорошо сидят! Смотри, улыбается во сне и ямочка на подбородке твоя, вот теперь попробуй откажись, что дочь не твоя, как видишь, сразу получилось! Ну ладно, вы тут посидите, а я пока чемоданы разберу твои. — Эля открыла чемодан, достала фотографию матери и отца Владика, тихо подошла к дивану, села рядом. — Какая у тебя мама симпатичная и папа тоже, — долго смотрела и, прижав к груди, подошла к серванту, поставила туда.

Владик сидел, не отрываясь смотрел на дочь, и боялся дышать, словно в горле стояла пробка! И вдруг этот человек открыл глаза, завопил, позевнул и тихо заплакал, наморщив лоб и нос.

— Эля, что с ней? — тревожно спросил Владик.

— Сейчас посмотрим, — сказала Эля, разворачивая малышку. — А ничего особенного, просто мы, папа, описались, и все! И Насте пора, наверно, кушать. — Перепеленав ее, она расстегнула халат и дала грудь, не отворачиваясь и любуясь, как дочурка сосала, посапывая носиком и жмуря едва заметные бровки. — Смотри, папа, какие мы серьезные, и как мы проголодались, и хорошо сосем.

— Правда, Эля, какая она маленькая, и пальчики на ручках малюсенькие, и такая она у нас красивая! — Владик тихо рассмеялся, любуясь дочкой. — Эля, и верится, и не верится мне, что у нас дочка!

— Ну вот, доча, наконец-то наш папулечка приходит в себя, — сказала Эля, улыбаясь. — Вот мы и покушали, а теперь будем играть в кроватке, да, Настенька?

— Нет, нет, Эля, давай ее мне, — он протянул руки.

— На, бери свое сокровище, — она передала дочку, — держи!

Эля нежно улыбалась, глядя на них. Она снова принялась разбирать чемоданы, перенося все вещи в гардероб. Пустые чемоданы задвинула под кровать.

— Ну вот и все, — сказала она, садясь рядом и глядя в счастливое лицо Владика, заглядывая в улыбочное личико дочки, придерживая края пеленочки пальцами. — Ну ладно, я пойду готовить, а вы сидите, мне надо же тебя покормить, — она пошла на кухню.

— Эля, а как мама твоя отнеслась к тому, что ты родила?

— Сначала была удивлена, ведь в то время живот едва заметным был, я честно рассказала все, как было. А потом тетя Маша рассказала о тебе, похвалила тебя, мама и говорит: «Ну и правильно, Эля, дочка, ведь его тоже пожалеть некому, а дите вас сблизит, вот и живите, дай вам Бог! Да и Мария хвалила его, значит, хороший человек. Ты уж, дочка, напиши, как он приедет да как к ребеночку отнесется!» А вот не так давно приезжала, целый месяц нянчила и любовалась внучкой. Завтра дам телеграмму маме, пусть приедет, ведь надо же Настю зарегистрировать, оформить.

— Эля, да и нам расписаться надо, ведь жить нам вместе и дочь у нас с тобой.

Эля выбежала из кухни, обняла Владика:

— Я так и думала, что ты так скажешь, молодец, решил быстро!

— А как же иначе, Эля, — обняв рукой, сказал он.

— Ну давай я положу дочурку в кроватку, а ты немного поспи с дороги. Пойдем, моя маленькая, в кроватку, пусть папа отдохнет. — Уложив дочь, Эля ушла, прикрыв за собой дверь...

Владик долго не мог заснуть, переполненный событиями одного этого дня, потом незаметно уснул под шелест берез за окном и чириканье воробьев. Засыпал со счастливой мыслью — у меня есть дочь!

Проснулся он от веселого Колиного голоса:

— Хозяева дома? Гостей принимаете?

— Ну, конечно, проходите, — говорила Эля.

— А где же муж-то твой?

— Да здесь я, Коля, — сказал Владик, выходя на кухню и прикрывая за собой дверь, закурил, выходя на веранду, — пойдем, Коля, покурим.

— Ну как, пришел в себя?

— Пришел, нормально!

Коля закурил, облокотившись на подоконник, хитро глядя, спросил Элю:

— Он не заикался, когда увидел дочку?

Эля рассмеялась, склонившись над столом, слепляя пельмени:

— Представь себе, не заикался, а немного побледнел.

— Вот я и боялся дорогой, вдруг сорвется с языка, да и тетя Маша строго наказывала: «Смотри, Коля, не проговорись!»

Владик, затянувшись сигаретой, улыбнулся:

— Я чувствовал, что-то они не договаривают, эх вы, горе-конспираторы! А Володя где?

— Сейчас придет.

— А Марина с Любой? — спросила Эля.

— И они придут, куда же от вас денешься, — притворно вздохнул Коля.

— Тогда, Эля, пойду переоденусь, — сказал Владик. — И посмотрю, как дочка.

— Подожди, Владик, помогу тебе, там еще рубашку надо погладить чуточку, — сказала Эля, отряхивая и вытирая руки. — Пошли! — Эля быстро разложила одеяло и начала гладить, заглянув в спальню. — Владик, смотри, что твое

сокровище делает! Занимается физкультурой, вся развернулась, кулачек в рот и ноги вверх. Иди, пока займись ей.

В кухне раздались голоса:

— Можно войти?

— Ой, девочки, заходите, я сейчас, — откликнулась Эля, — хорошо, что пришли. — Она подала рубашку Владику. — Одевайся, может, костюм наденешь?

— Да зачем, Эля, не нужно.

— Где ты там, Владик? — спросил Коля, заглядывая в спальню.

— Здесь я, Коля, сейчас выйду, вот дочь перепеленаю.

Николай склонился над кроваткой:

— А смотри, Владик, на тебя похожа дочка-то! Только волосики черные, как у Эли.

Владик улыбнулся:

— Иначе и быть не может — дочка-то наша, глаза папины, волосы мамины. Да, дочка?! Да, мое солнышко?!

Вышли в зал, сели на диван, из кухни слышались приглушенные голоса. Николай взял с полки журнал «Крестьянка» и стал медленно листать.

— А Володя где? — спросил Владик.

— Должен подойти сейчас, жена моя Марина здесь, и его половина Любаша здесь, с Элей пельмени делают.

Тем временем у женщин шел свой тихий разговор. Любаша, глядя с улыбкой, сказала:

— Эля, хочу ужасно увидеть твоего мужа!

— Господи, да иди и смотри, — улыбнулась она.

— Он как, симпатичный? — спросила Марина.

— Да как вам, девчата, сказать? Для меня да, а для других — не знаю. Вот берите вилки, тарелки и идемте в зал, они с Колей там сидят.

Открылась дверь, со свертком вошел Володя:

— Мир вам и мы к вам. Еще раз здравствуйте!

— Здравствуй, — сказала Эля, — проходи в зал, там наши мужчины, и мы сейчас придем.

Володя вошел в зал, следом вошли две молодые женщины в красивых шелковых платьях с тарелками в руках, вошли как-то бочком, робко, подошли к столу, поздоровались, обращаясь к Владику:

— Добрый день!

— Добрый день, — ответил он.

Расставляя посуду на столе и раскладывая вилки, они изредка краем глаза смотрели в сторону Владика. Вошла Эля с кастрюлькой пельменей.

— А вот и я, несу пельмени. Девочки, принесите подставку.

— Сейчас, — сказала Марина.

— И заодно захвати бутылки с водкой, поставь в холодильник, — сказал Володя, протягивая сверток.

— Давай.

Вернувшись, Марина подставила подставку, Эля поставила кастрюлю.

— Ну, девочки, а теперь знакомьтесь. Это Владик, мой попутчик по вагону, а теперь мой муж.

Он кивнул слегка головой:

— Очень приятно.

— Я — Люба, а это Марина, рады познакомиться!

— Давайте, девочки, раскладывайте пельмени, а я сейчас, — сказала Эля и ушла за занавеску спальни, вышла с дочкой. — А вот и мы!

Марина с Любой замерли с тарелками в руках.

— А это что за прелесть, откуда? — спросили они.

— А это наша доченька!

— Ну вы, друзья, даете! Я, Эля, не думала, что у тебя ребенок!

Николай, садясь за стол, рассмеялся:

— А она у них скороспелая, не то, что вы, по девять месяцев ходите. Давай, Владик, садись за стол, иначе нас уморят наши женщины.

— Ты прав, Коля, — улыбнулась Эля, вставая. — Уже почти уморили, — и передала дочь Владiku, — он у меня сегодня не ел еще! Пойдемте, девочки, принесем остальное и сядем.

Они вышли на кухню, взяли горчицу, томат в банке.

— Больно у тебя серьезный муж, Эля, — сказала Люба-ша, — неразговорчивый.

— А кем работает? — поинтересовалась Марина.

— Работает журналистом в газете, а не разговорчивый — это на первый взгляд кажется, вообще, он веселый, общительный, — сказала Эля.

Они вышли в зал.

— Ну вот, можно садиться, — сказала Эля и села рядом с Владиком.

Коля наполнял рюмки, а женщины стали раскладывать пельмени по тарелкам.

Любаша протянула тарелку Владику:

— Это вам!

— Спасибо!

— Это тебе, Эля.

— Большое спасибо! Давай, Владик, я отнесу дочь в кровать, она опять уснула.

Николай протянул рюмку Владику:

— Держи, это твоя законная, — и обратился к вернувшейся Эле, — а тебе чего налить?

— Ничего, нельзя мне, я кормлю.

— Фу, я забыл.

— Ну что же, за встречу и мое возвращение к вам! — сказал Владик.

Марина и Люба подняли рюмки:

— А мы пьем за ваше счастье, Эля и Владик!

— Спасибо, друзья, на добром слове, за то, что не бросили в трудный час и помогли добраться сюда, к Эле и дочке!

Коля улыбнулся:

— Брось ты об этом, Владик! Мы-то же понимаем все, а помощь всем нужна. Взаимовыручка — это святое дело для мужика!

Володя, пережевывая пельмень, сказал:

— Да, Эля, вот пельмени у тебя особенные, вкуснятина! Во!

— А что муж скажет? — улыбнулась она.

— Поэтому и молчу, от восторга не в силах вымолвить ни слова! — улыбнулся он.

— В общем, Эля, у тебя не муж, а золото! Повезло тебе! — сказала Марина...

После пельменей мужчины вышли на крыльцо, а Эля, покормив Настю, вернулась на кухню, где Марина и Любаша сидели, протирая вымытые тарелки.

— Девчата, вы знаете, сейчас кормлю дочку и вспомнила, что завернута она была в розовую пеленку, а сейчас смотрю — завернута в белую, да так умно, диву даюсь! Неужели Владик завернул?!

Мужчины тем временем, мирно закончив беседу, разошлись, а он вернулся в комнату. Любаша, взглянув хитро на Элю, спросила:

— Где твой благоверный научился так ловко пеленать детей, это что-то подозрительно!

— А курс молодого папы я прошел на племянниках, — ответил он с улыбкой, положив ладонь на плечо Эли, — можешь не волноваться.

— А я и не волнуюсь и верю тебе!

Прощавшись с Владиком и чмокнув его в щеку, Марина и Люба вышли, и Эля проводила их до дома...

Владик долго стоял у раскрытого окна и думал: «Один день порой переворачивает всю жизнь и изменяет ее напрочь, оставляя в душе либо вечную боль, либо щемящую радость!»

Вот и он, глядя на тихо идущую по улице Элю, не мог понять, что же в нем больше осталось? После рождения дочки Эля казалась еще красивей, стройнее. И вся светилась изнутри, вмещая в себя целых три мира — женщины, матери, жены. От ее лица шел умиротворяющий, добрый свет русской женщины, от которого заживают самые тяжкие душевные раны...

Эля скоро вернулась, шла быстрым шагом, в ее руке была свернутая квадратиком бумажка. Войдя в комнату и увидев сидящего на подоконнике Владика, подошла к нему, протянула бумажку:

— Вот видишь, Владик, и мама завтра приезжает, вот телеграмма, — она протянула листок.

Взяв телеграмму, Владик развернул ее: «Встречайте поездом 92 вагон 4, целую, мама». Эля присела рядом, положила руки ему на плечи, внимательно посмотрела в глаза.

— Ну что же, встретим, — сказал он, закуривая.

Эля улыбнулась:

— Вот и хорошо, встретишься с мамой.

Владик, погладив ее руку, лежащую на плече, тихо сказал:

— Страшно, Эля, что-то.

— Да не бойся, — улыбнулась она, — я уверена, вы с ней быстро поймете друг друга. Она очень добрый по характеру человек. Она тебе шагу не даст шагнуть без ее помощи. Так что не волнуйся, все будет хорошо! А сейчас, Владик, иди отдохни, я приберусь, помою полы, пока спит дочурка.

Владик лежал в кровати, заложив руки за голову, смотрел на колышущуюся от ветра тюлевую шторку. В душе у

него было тревожно, его волновала встреча с матерью Эли, а проще, с тещей! По сути, малознакомый человек, о чем она подумает, встретившись с ним? Может, у нее промелькнет тревожная и горькая мысль: «Ну вот, доченька, и твоя судьба не лучше моей, эх, доченька, тяжек крест твой». А может, в ней оживет чисто материнское чувство жалости, сострадания? А будь что будет, подумал он, повернувшись на бок, стал смотреть, как сладко спала дочурка.

Незаметно для себя уснул, проснувшись, увидел, что нет дочки в кроватке, а из зала через приоткрытую дверь доносился тихий разговор. Выйдя в зал, он увидел сидящую на диване тетю Машу. Эля меняла дочке пеленки, та лежала на спине, обхватив ручкой ногу, поднимала ее вверх, смешно кряхтела, широко открыв рот! Увидев выходящего из спальни Владика, тетя Маша подвинулась, освободив место.

— Садись, Владик, а мы тут с твоей дочкой занялись. Вот уже научились улыбаться! — Тетя Маша взяла из рук Эли дочку и начала подбрасывать ее вверх, не выпуская из рук.

Настя поворачивала головку в сторону отца и протягивала ручки. Тетя Маша, удивленно глядя, сказала:

— Смотри, признала отца, ведь, вроде, малявочка, а понимает, — она передала дочку отцу.

Владик взял дочку и стал играть с ней, постукивая погремушкой о свою ладонь. Тетя Маша, глядя на Элю, сказала:

— Вот, Эля, что значит родная кровь! Тут уже ничего не скажешь!

Тем временем Эля ходила из зала в кухню, ставила на стол чашки, тарелки с салатом, колбасой, чайник.

— Давайте садитесь за стол, немного перекусим.

Тетя Маша взяла малышку:

— Садись, Владик, а я уж посижу с внучкой, пока настоящая бабуля Катя не приехала.

— А ты, тетя Маша, положи ее на диван, она у нас привычная, некапризная, — сказала Эля, садясь за стол и разливая чай.

Все молча принялись за еду. Наложив в тарелку салата, тетя Маша подала ее Владiku, придвинула вилку:

— Что это с тобой, парень? Ты ничего не ешь, стал художным, под глазами синие круги. Приедет завтра твоя теща да спросит с нас: «Что же вы парня заморили?», а что мы с Элей ответим? Сам подумай! Так что ты давай, налегай на еду!

Владик улыбнулся:

— Да не волнуйтесь, у меня все хорошо, и никто вас ругать не будет.

Тетя Маша, помешивая ложкой чай и откусив кусочек от пирога, спросила:

— А вы, ребята, дочку зарегистрировали?

— Да нет еще, вот приедет мама, тогда и все сделаем, — ответила Эля.

— Ну вот и хорошо, — сказала тетя Маша, поднявшись из-за стола. — Спасибо вам, мои дорогие, за угощение, я пошла, до свидания, а ты, Эля, пойдешь за коровой, зайди за мной.

— Хорошо, зайду, — ответила Эля, прибирая со стола...

Назавтра, чуть за полночь, Эля с дочкой сели в «Запорожец» и поехали на станцию. Владик тихо вел машину, объезжая неровности на дороге, иногда тормозил, когда дорогу неспешно переходили гуси. Улицы были безлюдны, лишь в конце села, почти за околицей, навстречу на «уазике» встретился Коля, помахав рукой. На станции Владик встал под деревом, вылез, дождался, пока Эля выйдет с дочкой, закрыл дверцы, и они пошли на перрон. Эля с дочкой чуть впереди, Владик сзади. Выйдя на платформу, Владик увидел знакомую скамью, у которой стоял полковник в летней форме, с женой, рядом стояли два чемодана. Увидев Элю, Владика, полковник посторонился, отодвинул чемоданы:

— Садитесь, садитесь, молодые люди!

Владик сел на скамью, Эля протянула дочку:

— Подержи минуточку, я поправлю кофточку.

Но стоящая рядом жена полковника сказала:

— Давайте я подержу, — и взяла девочку на руки. — Идем к тете, улыба маленькая! Какая чудная девочка, а как ее зовут?

— Настенька, — сказала Эля, поправляя кофту, а затем поправила ползунки и шапочку на дочке.

Жена полковника тихо спросила, глядя в сторону Владика:

— Извините, может, с моей стороны это нетактично: это ваш знакомый?

— Что вы, это мой муж, отец этой малышки, — ответила Эля, улыбнувшись.

— Да что вы говорите?! Вы мужественная женщина, на такое решится не всякая!

Они тихо пошли вдоль перрона, тихо разговаривая.

— Он что, получает пенсию? — спросила жена полковника.

— Да нет, он работает журналистом в нашей районной газете, — ответила Эля, беря в руки дочку.

— Вы меня удивляете окончательно! — удивилась жена полковника, — работать в таком состоянии?!

Владик взглянул на часы, до прибытия поезда было не более 25 минут. Он расслабил галстук, достал пачку сигарет «Космос», протянул полковнику:

— Закурите, товарищ полковник?

— Пожалуй, не откажусь, — сказал тот и протянул зажигалку. — Прикуривайте. Наверное, маму встречаете?

Владик после долгой паузы тихо сказал:

— Свою я уже никогда не встречу. А вот мать жены, да, встречаем! А вернее, мою тещу. Да и какое это имеет сейчас значение — мать есть мать, чья бы она не была!

Полковник, пригладив седую шевелюру, протянул руку:

— Вы уж меня извините великодушно, если я вам причинил боль своим вопросом, просто я не знал.

— А ничего, товарищ полковник, жизнь есть жизнь, и потери в ней неизбежны. Да и мама моя говорила: «Сынок, а ведь наша жизнь — это короткая прогулка перед вечным сном!», — тихо сказал Владик, затянувшись дымом сигареты.

Владик посмотрел вдаль, над рельсами дрожало марево, деревья были подернуты голубоватой дымкой. Стояла полуденная жара, в траве за оградой перрона лениво стрекотали кузнечики. На клумбе около ограды склонили головы цветы, словно утомленные солнцем!

Вдали показался поезд, огласив окрестность тонким пронзительным гудком. Медленно приближаясь, поезд остановился у соседней платформы, шипя тормозами.

Полковник, пожав руку Владика, взяв чемоданы и перекинув через плечо ремень сумки, направился к платформе. Эля с дочкой на руках и жена полковника тоже не спеша пошли к поезду.

В тамбуре четвертого вагона стояла женщина в шелковом платье серого цвета с короткими рукавами. Волосы были зачесаны гладко назад и скручены в тугий узел. Владика показалось, что женщина похожа на его мать, только

волосы были черными, даже седой локон от виска, но только с левой стороны, в мочках ушей были простые сережки.

Эля крепко обняла рукой мать, поцеловала. Бабушка взяла внучку на руки, Эля взяла чемодан и сумку, и они пошли к скамейке.

Владик поднялся и стал ждать. Эля, подойдя, поставила багаж и взяла дочку, а мать, подойдя, обняла Владика.

— Ну, здравствуй, сыночек, вот ты какой!

— Здравствуйте, мама, — сказал он, целуя ее в щеку. — Как доехали?

— А хорошо, сыночек, слава Богу! А как будем добираться, ведь Владiku тяжело? — спросила она, глядя на дочь.

— А ты не волнуйся, мама, вон там стоит наша машина.

Эля взяла багаж, а бабушка внучку, и все направились к машине. Подойдя к машине, Владик подождал, пока Эля уложила багаж, открыл дверцы машины. Сел за руль, запустил мотор, в горле от волнения застрял тяжелый комок! Тихо тронув машину, он поехал в сторону села, оставляя сероватый шлейф пыли. Подъехав к дому, все увидели сидящую на крыльце тетю Машу. Она чистила рыбу.

Увидев машину, она быстро встала и поспешила навстречу, открыла ворота. Крепко обняла выходящую из машины Екатерину.

— Здравствуй, моя милая подруженька! Слава Богу, приехала!

— Приехала, как видно, совсем. На внучку порадоваться, с Владиком познакомиться, да надо же им помочь, молодые еще, — говорила Екатерина, улыбаясь.

Женщины подошли к дому, тетя Маша несла Настю, Эля сзади шла с багажом.

— А я уж тут хозяйничаю без вас. Николай рыбы целое ведро привез, я часть почистила, а остальную в холодильник положила, — на ходу говорила тетя Маша, входя следом за Екатериной в открытую дверь веранды.

Поставив машину под навес, Владик вошел в дом. Женщины, уже переодевшись по-домашнему, занялись хлопотами. Облачившись в фартуки, Эля с тетей Машей чистили рыбу, а Екатерина на диване надевала на внучку ползунки. Увидев входящего Владика, положила внучку и поспешила навстречу ему.

— Давай, сыночек, помогу как-нибудь тебе.

— Да не нужно, я давно привык делать все сам, — ответил тот, не спеша направляясь в спальню.

— Ну, а что я тебе говорила, — Эля улыбнулась вслед уходящему мужу, — помнишь? Она тебе не даст шагу сделать одному!

Зайдя в спальню и переодевшись в спортивный костюм, Владик сунул в карман пачку сигарет, засунул за пояс книгу и вышел в кухню. Обратившись к Эле, сказал:

— Эля, положи дочку в коляску, а я пойду на свежий воздух, подышу на лавочке, а ты привези ее.

— Хорошо, ты иди, а я подвезу, — ответила Эля.

Она поняла, что ему сейчас необходимо побыть одному какое-то время.

Он вышел за калитку, сел на лавочку, закурил, в горле по-прежнему стоял и жег дыхание тяжелый комок! Подперев подбородок рукой, он смотрел перед собой, глаза сухо блестели.

Эля привезла дочку, присела рядом, положив руку на плечо:

— Ну, что ты голову повесил, все хорошо ведь получилось. И маме ты понравился, я же вижу и чувствую, не переживай. Ну ладно, я пошла, скоро кушать будем.

А у женщин тем временем шел свой разговор.

— Ну как тебе зять приглянулся? — спрашивала Мария.

— Ой, Маша, я как взглянула, аж сердце зашлось от жалости! Худенький да бледненький, в чем душа держится, под глазами круги синие! — призналась она. — Но хороший парень, видно!

— А что ты, мама, хочешь, он ведь недавно маму похоронил, тут не то что похудеешь, и посинеешь, — сказала Эля.

— Да, Катя, парень неплохой, — сказала Мария. — А хорошим всегда тяжело в жизни.

— Да, да, Маша, вот ведь мой-то совсем без обеих ног был, а жили, дочку вырастили, — вздохнула Екатерина.

— Да, судьба родителей повторяется в жизни детей! Не зря говорят, так Богу угодно, и браки совершаются на небесах! — сказала Мария.

СОДЕРЖАНИЕ

Евгений Курдаков. «Судьба не мною выбиралась...»	3
--	---

СТИХИ

Баллада о Пугачеве	6
«У крутояра тополь золотится...»	9
«Я люблю золотистые всполохи...»	9
«Прости, родная, за вторженье...»	9
«В эти ночи стихом, словно беркутом...»	10
«Я люблю золотые и синие...»	11
«Недалеко от Бузулука...»	11
Обелиск	11
«Как жизнь, дорога вьется по земле...»	12
«Ах, елочки, мои ровесницы...»	13
«Зима! К концу февраль катится...»	13
Август	14
«Мой край родной, ромашковая нежность...»	14
Осень	14
Баллада о плачущей женщине	15
«Я люблю поэзию такую...»	18
«Я пил парное молоко...»	18
Письма из сорок третьего	19
«Шел политрук с солдатом рядом...»	19
Мой город Пушкин посетил	20
«Майских рощ веселая окраска...»	21
«Июнь идет, июнь идет!...»	22
«Июнь веселый, звонкий...»	23
Городу Бузулуку	23
«Так повелось из века в век...»	23
Мое счастье!	24
Молитва	25
«Земляк Муса, а степь сегодня шире...»	25
«Зачем вы вторите слова...»	26
«Я ухожу из юности и детства...»	26
«Будто жемчуг, росы листья расписали...»	27
«Мой дед по делу тосковал...»	27
«Мама! Мама!...»	28
«Что вы, девочки милые...»	28
«Хлеб и соль у меня на столе...»	29
«Снится девчонке сон...»	30
«Весна — девчонка шаловливая...»	31
«Пишу стихи от сердца снова...»	31

«Сегодня дождик моросит назойливо и скучно...»	31
«Мустафино далекое!..»	32
Воспоминание.....	32
«Опять сквозь холод, мрак и грязь...»	33
Бабушкины блины	34
Дедушке Федору	34
Катюше Е.	35
«Когда я остаюсь совсем один...»	35
Бабушке Анне	35

ЭЛЯ

повесть

Глава 1. Эля	37
Глава 2. В поезде	42
Глава 3. Екатерина	57
Глава 4. Баня	67
Глава 5. Сон	77
Глава 6. Коля-лесоруб	86
Глава 7. Возвращение	106

**Вадим Петрович
Нестеров**

Эля

Стихи и проза

**Компьютерная верстка А.В.Трефилов
Редактор Н.В.Солнцева**

**Издательство «Золотая аллея»
ЛР № 070272 от 22 августа 1997 г.
Издание осуществлено при участии ООО «Август»**

**Сдано в набор 10.07.2001. Подписано в печать 5.01.2002.
Формат 70х100/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. Объем 5,2 усл. п. л. Заказ 351.**

**“Золотая аллея”, 248600, Калуга, почтамт, а/я 23.
ООО “Полиграф – Информ”, ПЛД № 42 – 17 от 16.09.98 г.,
248003, Калуга, ул. Тульская, 78.**

